

СТРУКТУРЫ ВРЕМЕНИ (СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПСИХОЛОГИИ)

В. А. Поликарпов, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлена субстанциональная концепция времени, разработанная на основе эмпирических психологических исследований и психологического анализа существующих теорий времени. Сущность времени усматривается в созидании настоящего – определяющего условия единичного бытия. Время рассматривается как сложноорганизованная реальность, элементы которой определяются как структуры времени.

THE STRUCTURES OF TIME. (THE SUBSTANTIONAL CONCEPT OF TIME THROUGH THE FOCUS OF PSYCHOLOGY)

V. A. Polikarpov, PhD Candidate in Psychology, Associate Professor

The article considers the substantial concept of time, developed on the basis of empirical psychological researches and psychological analysis of relevant theories of time. The essence of time is considered in the observing of the present, which is the attribute of united existence. The time is considered as the self-organizing reality, the elements of which are determined as the structures of time.

1. Интеллектуальные иллюзии.

Предлагаю рассмотреть новый класс иллюзий: интеллектуальные иллюзии.

В психологии известны физиологические, физические и психологические иллюзии.

Физиологические иллюзии определяются физиологическими особенностями строения рецепторов, физические – физическими условиями наблюдения, психологические – установкой в восприятии.

В основе интеллектуальных иллюзий лежит предположение о восприятии. Например, в «Фейнмановских лекциях по физике» [1] (далее будем пользоваться преимущественно этим источником), предполагается, что если бы мы со стороны наблюдали, как космонавт закуривает папиросу, нам бы показалось, что он делает это медленнее, чем обычно [1, с. 272]. Здесь берётся ситуация восприятия, которая в принципе не возможна. Предполагается, что мы воспринимаем космонавта не на экране телевизора, а видим его непосредственно с Земли. Это из тех же допущений, что наблюдатель может договориться с космонавтом, что «на высоте Y в тот момент, когда стержни поравняются, каждый сделает другому на его стержне метку» [1, с. 272].

Начиная с таких простых допущений, авторы приходят к фундаментальным положениям теории относительности о том, например, что нет преимущественных систем отсчёта, а все системы отсчёта равноправны. Так ли это?

Для начала рассмотрим самый простой пример.

С летящего на большой высоте самолёта сбрасывают груз. Какова траектория его полёта? Считается, что ответ зависит от выбора системы отсчёта. Если связать систему отсчёта неподвижно с корпусом самолёта, то для наблюдателя (например, лётчика или пассажира) траектория будет вертикальной. Если связать систему отсчёта с землёй, то для наблюдателя на Земле траектория будет параболой. Если представить себе, что и на падающем грузе поместился какой-то воображаемый наблюдатель, то для него груз будет неподвижным. Сторонники теории относительности считают, что все три системы отсчёта равноправны. Иногда даже предлагается экспериментальное подтверждение этого. Например, если передвигать по натянутому горизонтально шнуру модель самолёта,

прикрепляя лист бумаги то к самолёту, то к неподвижной раме, на которой укреплена вся установка и снабдив сбрасываемый груз каким-нибудь пишущим прибором, скажем, кисточкой, смоченной в краске, то на листе бумаги появятся и та и другая траектории. Таким образом делается вывод, что все три системы отсчёта равноправны, а траектория зависит от выбранной системы. Но так ли это? Как же в действительности летит груз? Можно ли отдать предпочтение какой-то из приведённых точек зрения, считая её за истинную, отнеся остальные, таким образом, к иллюзиям? Вопреки мнению многих сторонников теории относительности – да. Возьмём всё *событие* в целом. С самолёта сброшен груз и падает на землю. В момент завершения падения этот факт острее всех почувствует наблюдатель, поместившийся на грузе, тот, которому груз казался неподвижным. Предположим, что он успел осознать свою ошибку. Что же порождает всё событие? Траекторию полёта груза определяет сложение сил. Силы, создаваемой притяжением земли, направленной перпендикулярно её поверхности и силы инерции, созданной для груза работой двигателей самолёта, и подъёмной силой крыла. Значит, объективно груз летит по параболе, и точка зрения земного наблюдателя истинна, а два других наблюдателя имеют дело с иллюзией.

Обратимся ещё раз к рассмотренному выше событию: с самолёта сбросили груз. Здесь можно выделить а) самолёт, с которого сбрасывают груз (мне больше нравится: пилота, который сбрасывает груз со своего самолёта); б) груз, который сбрасывают с самолёта (ему мы тоже придадим свидетеля, который имеет своё мнение); в) сторонний наблюдатель, связанный с Землёй, который тоже понимает и осознаёт событие, но не участвует в нём; г) сам читатель, который тоже понимает и осознаёт событие, вступая в диалог с каждым из трёх вышеперечисленных участников. Обозначим пилота буквой S – субъект, он делает; ящик буквой O – объект, с ним делают; наблюдателя на земле, который кажется нам поначалу сторонним, т. е. диссоциированным по отношению к событию, через R' – рефлектирующий, а читателя, соответственно, через R'' . Обозначим ещё основное отношение как Hb . Носителем основного отношения является S , а вторым членом основного отношения – O . Основное отношение, это отношение между субъектом и объектом в *событии*. Всё это пригодится нам позже. А пока выразим всё это символически.

$$\text{Событие} = S + O + R' + R'' \quad (1)$$

$$(S + O + R' + R'') = f(Hb) \quad (2)$$

Сразу отметим, что наш «сторонний» наблюдатель и только он, чья точка зрения единственно верна, ассоциирован с той реальностью, которая и определяет существование (динамику, позже мы увидим, что это одно и то же) всего события [2].

Рассмотрим другой пример: пассажир движущегося поезда и человек, стоящий у насыпи видят две молнии, ударяющие одна впереди поезда, другая позади. Зададим его словами самого Эйнштейна.

«В двух весьма удалённых друг от друга местах A и B нашего железнодорожного полотна ударила молния. Кроме этого я утверждаю, что оба эти удара произошли *одновременно*. Если теперь я спрошу тебя, читатель, имеет ли какой либо смысл это последнее утверждение, то ты уверенно ответишь мне: «Да». Однако, если я попрошу тебя более точно объяснить мне смысл этого моего утверждения, то после некоторого размышления ты заметишь, что ответ на этот вопрос не так прост, как это кажется на первый взгляд...

После некоторых размышлений ты предлагаешь следующий способ констатировать одновременности. Отрезок AB измеряется вдоль рельсового пути, и в середине M отрезка находится наблюдатель, снабжённый устройством (например, двумя зеркалами под углом 90° друг к другу), которое позволяет ему наблюдать одновременно оба места A и B . Если наблюдатель воспринимает обе молнии одновременно, то они произошли одновременно.

Пусть очень длинный поезд идёт с постоянной скоростью V по рельсовому пути в направлении, указанном на рис. 1. Людям, находящимся в этом поезде, более удобно

принять поезд за твёрдое тело отсчёта (систему координат); все события они относят к поезду. Всякое событие, происходящее на протяжении железнодорожного пути, происходит также и в определённой точке поезда. Определение одновременности для поезда может быть дано точно таким же способом, что и для рельсового пути. Однако естественно возникает следующий вопрос.

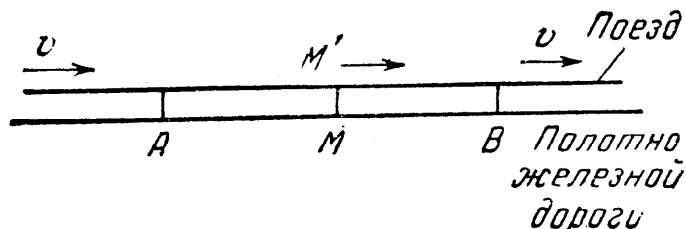

Рис. 1.

Являются ли два события (например, удары молнии в A и B), происходящие одновременно *относительно полотна дороги*, также одновременными и *относительно поезда*? Сейчас мы покажем, что ответ может быть только отрицательным.

Когда мы говорим об ударах молнии A и B , одновременных относительно полотна дороги, то это означает, что световые лучи, исходящие из A и B , встречаются в средней точке M участка полотна AB . Но событиям A и B соответствуют также места A и B на поезде. Пусть M' – средняя точка отрезка AB движущегося поезда. Хотя эта точка в момент ударов молнии и совпадает с точкой M , она движется со скоростью V поезда вправо (см. рис. 1). Если бы находящийся в поезде в точке M' наблюдатель не обладал этой скоростью, то он продолжал бы оставаться в точке M и тогда световые лучи от ударов молнии A и B достигли бы его одновременно, т. е. оба эти луча встретились бы в том месте, где он находится. Однако в действительности он движется (если наблюдать с полотна дороги) навстречу световому лучу, идущему из точки B , и в то же время движется по световому лучу, идущему из точки A . Следовательно, наблюдатель увидит световой луч из B ранее, чем луч из A . Наблюдатели, пользующиеся поездом в качестве тела отсчёта, должны, таким образом, прийти к выводу, что удар молнии в B произошёл ранее, чем удар молнии в A . Следовательно, мы приходим к важному результату.

События, одновременные относительно полотна железной дороги, не являются одновременными по отношению к поезду и наоборот (относительность одновременности). Всякое тело отсчёта (система координат) имеет своё особое время; указание времени имеет смысл лишь тогда, когда указывается тело отсчёта, к которому оно относится» [3].

Опустим пока рассуждения о том, что невозможно доказать одновременность двух событий. Проанализируем вывод, который делается на основании этого мысленного эксперимента относительно времени. На основании вышесказанного утверждается, что для движущегося наблюдателя время течёт медленнее и тем медленнее, чем больше его скорость. И вот почему. Пассажир в поезде увидит молнию в точке B раньше, когда его часы будут показывать, например, 11-05, чем оставшийся стоять у полотна, который увидит удар этой молнии, скажем, в 11-10 (мы, конечно, утрируем для наглядности, разницы в 5 минут никак не может быть). Из этого делается вывод, что часы пассажира отстают на 5 минут? Но часы пассажира не стали идти медленнее, и, тем более, время в движущемся поезде не замедлилось. Просто пассажир поезда раньше получил сигнал от источника. Как об этом узнать? Выяснить в какое время произошёл удар молнии по часам наблюдателя, стоявшего у самого молниеотвода, а затем, когда все трое встретятся, выяснить, синхронно ли всё это время шли их часы (т. е. показывают ли они одно и то же время). Здесь иллюзия замедления времени, причём иллюзия интеллектуальная, ведь ни один из наблюдателей не может видеть все трое часов одновременно. Но из всех трёх

показаний часов (предположим, наблюдатели записывали время появления молнии) мы вправе выбрать такое, которое можно считать истинным, и которое можно брать за точку отсчёта в оценке данного события. Это время третьего наблюдателя.

Выделим элементы данного события.

S – молния, бьющая в молниеотвод;

O – молниеотвод;

R' – наблюдатель, стоящий возле молниеотвода;

R'' – читатель.

Здесь два наблюдателя пассажир поезда и стоящий у насыпи не ассоциированы с S и O , что напоминает о несущественности этой связи. Назовём их «не участвующие наблюдатели» и обозначим как B' и B'' . Основное отношение между молнией и молниеотводом.

Здесь мы снова видим, что правильной точкой зрения обладает наблюдатель, ассоциированный с реальностью, которая определяет существование всего события. Молниеотвод притягивает удар молнии [4].

Рассмотрим тот же пример, но в более усложнённом варианте. Теперь то же событие происходит внутри поезда (или внутри космического корабля, кому как нравится). Приведём обширную цитату из Фейнмана.

«Пусть человек, движущийся в космическом корабле (система S'), установил в двух концах корабля часы. Он хочет знать, одинаково ли они идут. Как синхронизировать ход часов? Это можно сделать по-разному. Вот один из способов, он почти не требует вычислений. Расположимся как раз где-то посередине между часами. Из этой точки пошлём в обе стороны световые сигналы. Они будут двигаться в обоих направлениях с одинаковой скоростью и достигнут обоих часов в одно и то же время. Вот этот-то одновременный приход сигналов и можно применить для согласования хода. Положим, что человек в S' таким способом согласует ход часов. Посмотрим, согласится ли наблюдатель в системе S , что эти часы идут одинаково. Космонавт в системе S' имеет право верить, что их ход одинаков; ведь он не знает, что он движется. Но наблюдатель в системе S сразу рассудит, что раз корабль движется, то часы на носу корабля удалились от светового сигнала и свету пришлось пройти больше половины длины корабля, прежде чем он достиг часов; часы на корме, наоборот, двигались к световому сигналу – значит, его путь сократился. Поэтому сигнал сперва дошёл до часов на корме, хотя космонавту в системе S' показалось, что сигналы достигли обоих часов одновременно. Итак, выходит, что когда космонавт считает, что события в двух местах корабля произошли одновременно (при одном и том же значении t' в его системе координат), то в другой системе координат *одинаковым* t' отвечают *разные* значения $t!$ » [1, с. 277].

Я придумал способ, который позволит выяснить, кому же из двух наблюдателей «показалось» тому, кто на корабле – космонавт в системе S' , или тому, мимо которого пролетит корабль – наблюдатель в системе S . Предположим, что в середине корабля установлена бомба. Со стороны носа и со стороны кормы у неё по одному фотоэлементу. Бомба взорвётся, если оба фотоэлемента будут засвечены одновременно. Что, для космонавта в системе S' бомба взорвётся, а для наблюдателя в системе S нет? Конечно да! Просто наблюдатель в системе S , страшно удивился бы, увидев вспышку взрыва. Он бы, наверное, сказал: что-то испортилось в механизме бомбы. Пример в духе нашего печального времени, зато убедительный.

Вернёмся к ситуации с часами. Выделим элементы события.

S – космонавт;

O – часы;

R' – тот же космонавт;

R'' – читатель.

Здесь основное отношение передаётся более заметной реальностью – лучом света, которая совпадает с реальностью, определяющей существование всего события. Правильная точка зрения снова принадлежит наблюдателю, ассоциированному с этой последней. Сторонний же наблюдатель пребывает в иллюзии в силу того, что кораблю удаляется от него, и световой сигнал, достигший носа корабля, будет идти к нему дольше, чем световой сигнал, достигший кормы.

Обратимся к следующему примеру. Он немного сложнее для воображения. Это опыт со световыми часами [1, с. 272–274]. Нагляднее всего он представлен в книге Дж. Орира «Популярная физика». Прочитируем этот компактный фрагмент.

«Рассмотрим «световые часы». Конструкция их очень проста: это два параллельных зеркала, удалённых друг от друга на расстояние D .

Пусть τ – время, которое световой импульс затрачивает на путь от нижнего зеркала до верхнего. Часы «тикают» каждый раз, когда свет попадает на зеркало. Рассмотрим пару таких тождественно тикающих часов. Промежуток времени между двумя тиканьями $\tau = D/c$. Пусть теперь часы B движутся вправо со скоростью V (см. рис. 2 б). Их длина должна казаться прежней (если бы они оказались короче, чем A , то при прохождении друг около друга оба наблюдателя (один на A другой на B) обнаружили бы, что световые часы B короче, чем A . Это дало бы нам средство для обнаружения абсолютного движения, что нарушило бы принцип относительности). Будучи «наблюдателем», связанным с часами A , мы увидим, что в световых часах B свету теперь придётся пройти больший путь от зеркала

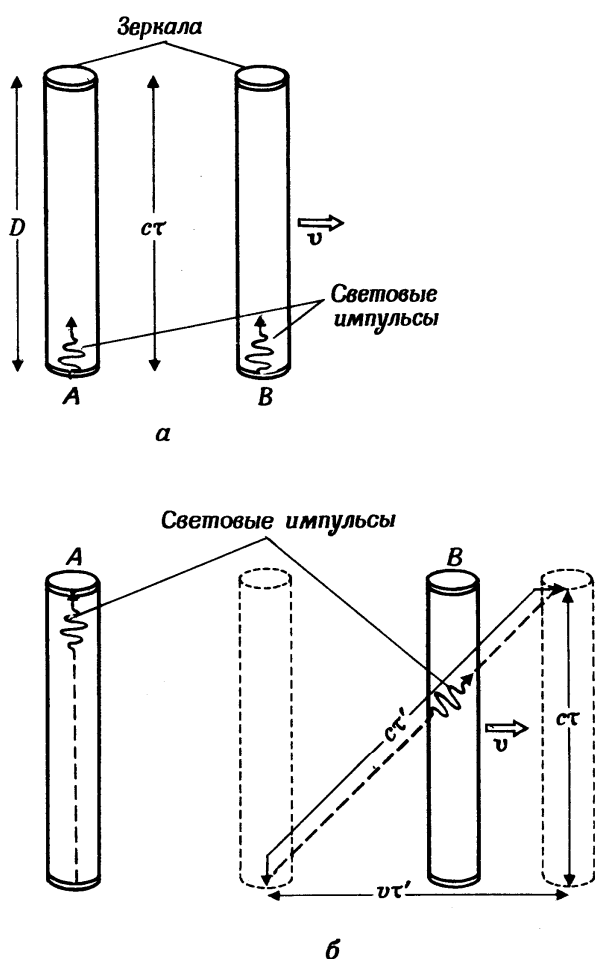

Рис. 2

до зеркала. Как видно из рис. 2 б, световой импульс в часах B движется по диагонали, но с той же скоростью $v = c$, что и наш световой импульс (здесь на сцену выступает теория относительности). Следовательно, световому импульсу в часах B потребуется больше времени, нежели нашему световому импульсу в часах A . Обозначим этот промежуток времени через τ' . Применяя теорему Пифагора к рис. 2 б, получаем

$$\begin{aligned} (c\tau')^2 &= (v\tau')^2 + (c\tau)^2, \\ (c^2 - v^2)\tau'^2 &= c^2\tau^2, \\ \tau'^2 &= \tau^2 / (1 - v^2/c^2), \\ \tau' &= \tau / \sqrt{1 - v^2/c^2} \end{aligned} \quad (3)$$

Интервал времени τ' между тиканьем движущихся часов по нашим наблюдениям оказался больше чем τ . [5]

Но откуда на этом чертеже взялась прямая $c\tau'$? Ах, наблюдатель, связанный с часами A , её видит. И каждый из нас, хоть раз в жизни, видел полосу, оставляемую раскалённым угольком, или искрами салюта и фейерверка. Но дело в том,

что в реальности этих линий нет. Мы видим так называемый последовательный образ, который возникает в силу того, что зрительное ощущение обладает инерцией и исчезает не сразу после того, как перестаёт действовать вызвавший его раздражитель.

Ну, хорошо, это физиологическая иллюзия. Но, рассуждая логически, мы всё равно получим $c\tau$. Ведь, что происходит в движущихся часах? Для внешнего наблюдателя «...свет, перебегая от зеркала к зеркалу, на самом деле двигается зигзагами, потому что стержень всё время перемещается боком... Значит, свету понадобится больше времени, чтобы пройти движущийся стержень из конца в конец, – больше, чем когда стержень неподвижен. Поэтому *кажущийся* (выделено нами – В.П.) промежуток времени между тиканьями движущихся часов удлинится в той же пропорции, во сколько гипотенуза треугольника длиннее катета. Из рисунка также видно, что чем U больше, тем сильнее видимое замедления хода часов [1, с. 273]. Почему же *кажется*, что промежуток времени между тиканьями движущихся часов удлинится? Если, скажем, наблюдать, а ещё лучше заснять на киноплёнку, повторяющую особенности зрительного восприятия, такие часы, и измерить время прохождения сигнала по $c\tau$, мы увидим, что оно осталось прежним. Придётся сделать парадоксальный вывод об увеличении скорости света в движущемся объекте. Ничего не стоит проделать такой опыт. Однако *интеллектуально* мы предполагаем, что время должно увеличиться, ведь скорость света постоянна. В мире интеллектуальных иллюзий своеобразная логика. Тем не менее, из всего этого делается вывод, что «...и не только такие часы начнут отставать, но (если только теория относительности правильна!) любые часы, основанные на любом принципе, также должны отстать, причём в том же отношении. За это можно поручиться, не проделывая дальнейшего анализа. Почему?» [1, с. 273]. Действительно интересно. Почитаем дальше. «Чтобы ответить и на этот вопрос, положим, что у нас есть ещё двое часов, целиком сходных между собой, скажем, с зубчатками и камнями, или основанных на радиоактивном распаде, или ещё каких-нибудь. Опять согласуем их ход с нашими первыми часами... Захватим с собой на космический корабль новую модель часов. Может быть эти часы уже не отстанут, а будут идти так же, как и неподвижный двойник. Ах, нет! Если они разойдутся с первой моделью (которая тоже находится на корабле), то человек сможет использовать этот разноряд между показаниями обоих часов, чтобы определить скорость корабля. А ведь считается, что скорость узнать невысказимо. Смотрите как ловко!» [1, с. 273]. Действительно ловко. И в какой из логик основанием для умозаключения является ссылка на *считается*? (Ссылка на авторитет – одна из логических ошибок).

Используя наш способ структурирования события, выделим здесь

S – источник светового сигнала;

O – световой сигнал, бегающий между зеркалами;

R' – космонавт на космическом корабле;

R'' – читатель;

B – сторонний наблюдатель, находящийся вне события.

R' обладает единственно верной точкой зрения на действительную скорость хода часов, и ассоциирован с реальностью, которая определяет динамику всего события.

Итак, замедление времени во всех рассмотренных случаях, это интеллектуальная иллюзия. Ложное восприятие, причём даже не реальное, а предполагаемое.

Прежде чем двигаться дальше, уточним, как теория относительности понимает время.

Время теория относительности редуцирует к интенсивности протекания природных явлений. Замедление процессов (только не психических, это подчёркивает сам Эйнштейн) отождествляется с замедлением времени и наоборот. Считается, что при увеличении скорости замедляется течение времени. При этом время в оценке самой скорости (S/t) остаётся неизменным. Вблизи гравитационных масс тоже замедляется течение времени. Посмотрим, есть ли связь между этими двумя фактами, первый из которых мы отнесли к интеллектуальным иллюзиям.

При всём при этом вводится абсолютная скорость, по отношению к которой оцениваются все остальные скорости. Это скорость света. Практически, она тождественна

абсолютному времени. Мы всегда можем оценить любую скорость как, например, $1/1000$ C , не взирая на систему отсчёта, именно потому, что C постоянна. При достижении её как бы достигается полный покой: неподвижность, точнее отсутствие времени, исчезновение пространственных характеристик в направлении движения – фактически частичное исчезновение пространства и бесконечное увеличение массы. Это, наверное, и есть исходное состояние до начала движения, т. е. появления и развития чего-то.

Что общего между абсолютным временем Ньютона и скоростью света Эйнштейна?

1. Оба ни от чего не зависят.
2. Оба объективный критерий измерения.
3. Оба не имеют обратного движения.

Кажется всё.

Однако, описанные выше интеллектуальные иллюзии не имеют ничего общего с замедлением интенсивности физических процессов вблизи гравитационных масс и увеличением массы тела с приближением к скорости света. Оба этих явления имеют вполне объективные причины. Можно говорить, поэтому, что они имеют случайное совпадение с феноменом СТО.

Формула зависимости массы от скорости была предложена впервые ещё до Эйнштейна и не является следствием теории относительности. Масса тела определяет насколько трудно привести его в движение, или, если оно уже движется, ускорить его. Чем больше масса, тем труднее увеличить скорость на данную величину. Отсюда то, что ни одно тело не может двигаться со скоростью большей скорости света, говорит лишь о том, что его сопротивление дальнейшему ускорению, или, иначе говоря, его масса, неограниченно возрастает, когда его скорость приближается к скорости света.

Это подтверждается экспериментально. Так, например, в циклотроне с возрастанием скорости период обращения частицы растёт, в силу того, что масса её увеличивается. Здесь надо указать, что увеличение массы есть объективный критерий движения и скорости относительно скорости света.

Что касается замедления интенсивности физических процессов (всех ли, экспериментально это никто не проверял), то колебания атомов на поверхности Солнца действительно замедляется в число раз, задаваемое формулой: $1 - \frac{1}{2}(RW/C)^2 = 1 - W/C^2$, что приводит к незначительному красному смещению, указывающему на то, что эти процессы идут на Солнце несколько медленнее, чем на Земле из-за более высокого гравитационного потенциала на его поверхности.

Всё это никак не связано с восприятием движения в СТО.

Подведём некоторый итог: время абсолютно. Оно локализовано и привязано к событию.

Список цитированных источников

1. Р. Фейнман, Р. Лейтон, М. Сэндс. Фейнмановские лекции по физике. М.: Мир, 1976.
2. Начнём уже сейчас этимологический анализ. Событие = со-бытие. Бытие вместе всех участвующих в нём элементов.
3. О специальной и общей теории относительности // А. Эйнштейн. Физика и реальность. М.: Наука, 1965. с. 177–180.
4. Здесь традиционно рассматривается восприятие события В (удар молнии впереди по движению поезда). А если рассмотреть восприятие события А? Удаляющийся пассажир увидит его позже. Часы неподвижного наблюдателя покажут, например, 11-10, часы удаляющегося наблюдателя покажут 11-15. Из этого можно сделать вывод, что его часы идут быстрее и время для него ускорилося. На самом деле он просто позже получил сигнал. Но, по принятой логике получается, что с увеличением скорости время ускоряется. И, кстати, поэтому космонавт, удаляющийся на ракете от Земли «состарится» раньше своего брата близнеца. Далее. Не только время ускоряется, но ещё и увеличивается длина и, видимо, уменьшается масса. Ближе к скорости света время стремится к бесконечности (?). И длина стремится к бесконечности. А масса исчезает. И всё это потому, что скорость света конечна.

2. Определение времени.

Мы стремимся представить время как объект наряду с другими объектами и дать всеобщую дефиницию времени. Это побуждает нас искать проявление времени в конкретном, следуя положению Дж. Льюиса о том, что задачей науки является выделение специфического и классификация конкретного опыта.

Не случайно Аристотель в «Физике» показывает, что решение проблемы существования есть ключ к проблеме времени. То, что проблема времени это проблема существования утверждают и современные исследователи [1 с. 19].

В своё время Рене Декарт поместил в основание своей философии постулат разума, а не веры. Знаменитое «*cogito ergo sum*» означает, что единственно достоверным существованием обладает познающий субъект. Природа объекта при этом оставалась не выясненной. Шаг в направлении объекта сделал Дж. Локк. Он ввёл понятие опыта, поставив познание (= достоверность реальности) в зависимость от него. Уточним, что по Локку в основе опыта лежит эмпирическое познание. Однако такое решение проблемы объекта породило много вопросов. Самый каверзный из них принадлежит Дж. Беркли. Если достоверность реальности (проще говоря, знание о Мире) базируется только на опыте, то можно ли быть уверенным в том, что Мир существует, когда его никто не воспринимает? Беркли нашёл способ ответить положительно на этот вопрос. Он заявил, что даже тогда, когда Мир никто не воспринимает, он продолжает существовать, так как его всегда воспринимает Бог.

Однако другого философа, Д. Юма, такое решение проблемы не удовлетворило. Отрица существование Бога, он оставил основной для философии своего времени вопрос не решённым.

Аргументация Юма сохраняет свою актуальность и сегодня. В чьём восприятии существует Мир, когда его никто не воспринимает? Кто поручится за его существование? Переход от возможности знать о существовании к возможности самого существования делается как-то сам собой и без всяких усилий, хотя и вполне понятен. (Психологически во времена Юма этот вопрос означал: какой он?) Хотя надо признать, что эта вторая постановка вопроса является более сильной, несмотря на всю свою кажущуюся парадоксальность. Из ответа на этот вопрос вытекает наша субстанциональная концепция времени.

Итак. Как представить себе существование невоспринимаемого объекта? Когда? В какой момент? Для кого он существует? Это то же, что представить историческую личность. В какой момент?

Попробуйте представить себе человека, который полностью прожил свою жизнь и завершил её естественной смертью, ну, скажем, в 90 лет. Вы никогда не видели его фотографии и не имеете словесного портрета. Последнее условие я ввёл, чтобы эксперимент был абсолютно чистым (чтобы убрать помехи). Мы можем также взять для

наглядности звезду, завершившую свой жизненный цикл. Мы обнаружили следы её распада, и пытаемся представить себе, какой она была?

Мы понимаем, что представлять всё явление сразу целиком, от начала до конца его существования будет не правильно. Всё явление в целом, от начала до конца, существования не попадает под категорию ЕСТЬ (существует), т.к. завершив своё существование, оно перестаёт существовать (здесь это вполне уместная тавтология).

Но мы уверены, что оно было, и спрашиваем, каким оно было? Где и как оно получило свое есть? Своё существование? Или, говоря языком Юма, для кого оно существует? Ответ таков: **оно существует для самого себя благодаря настоящему.**

Всякое особенное получает свою определенность в *настоящем* как актуально *существующем* моменте. *Настоящее* это главное условие существования. Для появления настоящего необходимо Время.

Итак, сущность Времени не в наличии будущего или прошлого, а в созидании настоящего¹.

Уничтожение настоящего, равносильное уничтожению существования, единичного бытия, уничтожило бы и прошлое и будущее, т. е. Время.

Итак, Время надо искать там, где появляется настоящее – определяющее условие единичного бытия. Настоящее есть везде, где есть существование. Вот, между прочим, почему невозможно путешествие во времени. Это равносильно потере себя.

Уделим немного внимания парадоксу Джерарда Фейнберга «Тахионная машина саморазрушения». Эту машину можно запрограммировать так, что она взорвётся в два часа дня, если в час получит приказ, отправленный в три. Но если машина, в самом деле, получит команду в час дня, тогда часом позже она взорвётся, и никакой приказ никогда не отправит в прошлое. Но если этого не произойдёт, она не взорвётся в два и тогда приказ будет отправлен...Получается логическая неувязка: машина взорвётся, если только...не взорвётся.

Это усложнённый вариант известного мысленного эксперимента с человеком, который возвращается в прошлое и убивает своего дедушку, или, ещё нагляднее, себя самого. Ни то, ни другое, ни третье не возможно. Наш убийца всегда только один. Либо ему некого убивать, либо его некому.

Такой ход рассуждений заставляет нас затронуть ещё две проблемы: проблему тождества и проблему отдельного.

В первом случае, учитывая отрицание Юмом субстанциональности времени и его понимание субъекта как «окаменевшего существования», имеющего длительность, и поэтому обладающего тождеством (пассивный, не изменяющийся наблюдатель, противопоставленный миру) мы не можем далее следовать его логике. К тому же, уступая здравому смыслу, он сохраняет тождество объекта во времени, неизбежно впадая в противоречие [2]. Я не собираюсь насилловать свой мозг и создавать заумные логические конструкции в угоду здравому смыслу. Следует признать, что время объекта квантуется,

¹ А. М. Анисов обращает внимание на то, что по Аристотелю само существование времени обязательно предполагает существование момента настоящего. См.: [1, с. 36].

существует минимальный временной интервал, содержащий только настоящее, и существуют границы между интервалами. В каждом следующем интервале объект создаётся заново. Возможно даже и в прежнем качестве, но всё равно заново.

Обратимся к апориям Зенона. Он убеждает нас в том, что движение не только невозможно, но и не может начаться, в силу того, что конечный отрезок пути состоит из бесконечного количества частей, и чтобы пройти путь за конечное время, надо последовательно побывать в каждой из бесконечного количества частей.

А, собственно, почему их бесконечное количество? Потому что они неделимы, а значит, не имеют протяжённости, ответят нам. Ну что ж, хорошо, а границы между ними есть? Скорее всего, да, раз это части. Значит между двумя границами (иными словами, внутри них) ничего нет?

Наличие границ проиллюстрируем таким экспериментом. Возьмём аргумент Зенона «О пшеничном зерне». Зенон спрашивает: Будет ли слышен звук от падения одного зёрнышка пшена? Сам он отвечает: нет. Здесь он, между прочим, ошибается. Звуковые волны появятся, и всё зависит от чувствительности акустической системы. Но так как здесь речь идёт, конечно, о слуховом анализаторе человека, согласимся, что слуховое ощущение не возникнет. Далее Зенон спрашивает: а если упадёт мешок пшена? Его ответ таков. Если части подобны с целым и если рассуждение будет систематически последовательным, то требуется признать, что вся совокупность зёрен и целый мешок не произведут шума. Это ещё одна интеллектуальная иллюзия. Жаль, что мы не можем показать этот простой опыт Зенону. Если мы бросим одно зёрнышко, он не услышит звука. Но если будем последовательно добавлять к бросаемому по одному зёрнышку (бросим два, потом три, потом четыре и т.д.), то, наконец, после прибавления очередного одного единственного зёрнышка звук станет доступен. Это называется нижний или абсолютный порог слухового ощущения. Граница даст о себе знать¹.

Итак, всё сущее конечно² Ахиллес и черепаха движутся не по математической прямой, а по существующей. Движение осуществляется не по математическому пути, а по реальному, который конечен и состоит из конечного числа точек. Конечное не может состоять из бесконечных (бесконечно малых) отрезков, так же как из нити бесконечной длины нельзя вырезать кусок ограниченного размера.

То же касается времени. Вечность это не всегда, а никогда. (Скажем, никогда не умрёт, никогда не наступит и т. п.). Время – генератор конечного.

Но Ахиллес догонит черепаху не потому, что ему предстоит пройти конечное количество точек, ведь движение всё равно не возможно. Причём движение не может начаться не потому, что точек бесконечно много, а потому, что не ясен переход из одной точки в другую. Где находится Ахиллес, когда он покидает, например, первую точку и переходит во вторую? Где он находится, когда он между двумя точками? Ведь в двух

¹ Напомним элементарные знания из психофизики. Для возникновения ощущения необходима определённая сила раздражителя. Если раздражитель очень слаб, он не вызовет ощущений. Минимальная величина раздражителя, при которой возникает едва заметное ощущение, называется нижним или абсолютным порогом ощущения.

² В природе существует определённый нижний предел взаимодействия, который никогда не может быть превзойдён. По утверждению Нильса Бора, всякое движение любой механической системы может обладать только дискретным набором допустимых значений энергии и движение может изменять своё состояние только конечными шагами. Добавим к этому, что математическая теория пределов доказывает, что сумма уменьшающихся дробей, даже если их бесконечное количество, даёт вполне конечную величину.

сразу он находится не может. (Было бы два Ахиллеса). Вот это вот размышление и породило иллюзию бесконечности существующего.

Ахиллес не переходит из точки в точку. Просто в следующей точке он создаётся заново. Точнее в следующее мгновение создаётся новая картина, в которой Ахиллес находится в следующей точке. Причём эта картина касается всей ситуации в целом. В каждый последующий момент Ахиллес возникает ближе к черепахе, чем в предыдущий. Поэтому он её и догонит. Движения нет. Изменения, вызываемые временем, это то, что мы принимаем за движение.

Одно и то же событие, взятое в двух разных моментах времени, даже следующих друг за другом не связано причинной связью, и представляет собой два разных объекта, т. к. оно не перемещается из одного момента в другой, а возникает там заново. Поэтому настоящее обладает свойством неизменности. Оно исчезает, но не меняется. Будущее, т. е. следующее за данным настоящее, возникает не из настоящего, а создается заново.

Отсутствие тождества между отдельными моментами прекрасно иллюстрируется т. н. временной логикой, основанной Артуром Прайором [3]. Одним из самых фундаментальных принципов логики является закон противоречия. Он гласит: ни одно высказывание не может быть как истинным так и ложным (или, ни один предмет не может и быть и не быть). Возьмём такое высказывание: «Лондон больше Рима» [3 с. 527]. Истинно ли это высказывание? Ведь города растут и приходят в упадок, и было время (и, возможно, будет опять), когда Рим был больше Лондона. Весь вопрос, к какому моменту мы относим это высказывание. Соответственно мы имеем разные объекты. Но это ещё не полное решение. Вопрос тождества пока остаётся открытым и переходит в другую плоскость.

Теперь обратимся к проблеме отдельного¹.

Куда же делось бесконечное? Относится оно только к категории иллюзий, или обладает собственной данностью? Вечность, вульгарно понимаемая как бесконечно длящееся время, на самом деле есть отсутствие времени. Точно также бесконечное пространство есть отсутствие пространства. Так они обнаруживают себя как свойства Абсолюта. Вспомним Лейбница, который писал, что «...легко доказать, что не существует бесконечного числа, или бесконечной линии, или какого-нибудь другого бесконечного количества, если брать их как настоящие целые... Истинная бесконечность в точном смысле слова заключается лишь в *абсолютном*, которое предшествует всякому соединению и не образовано путём прибавления частей... Истинная бесконечность вовсе не есть *модификация*, она – абсолют; наоборот, как только мы начинаем модифицировать, как мы начинаем ограничивать и образуем конечное» [4, с. 157]. В самом деле, можно ли говорить об отдельном (особенном) вне связи со всеобщим и единичным?²

Но прежде чем говорить об абсолютном, я скажу несколько слов о методе.

¹ Синонимами отдельного являются: особенное; индивиды; ограниченные модусы; конечные модусы; единичные вещи; индивидуальные вещи; существенное бытие единичных вещей; индивидуальная сущность; единичное бытие.

² Здесь «всеобщее» мы будем рассматривать традиционно, как принцип бытия всех отдельных вещей, явлений, процессов. В свою очередь, «особенное» («отдельное») – это категория, выражающая реальный предмет как целое в единстве и отнесении его противоположных моментов единичного и общего. «Единичное» это то, что принадлежит только одной вещи. Это такие свойства вещи, которые характерны только для неё и отсутствуют у других вещей.

Век материализма закончился. Материализм использует метафору машины, т. е. агрегата, лишённого души. Научное познание, опирающееся на материализм с его стремлением к открытию законов и закономерностей имело конечной целью изгнание духовного из природы. Её обездушивание. В итоге мы получили движущийся в силу некой инерции труп. Такое мышление хорошо и полезно для создания машин, но не для постижения абсолюта. Абсолют не может быть объектом научного познания. Это, впрочем, не делает его недоступной вещью в себе. Ноумен не познаваем, но понимаем. Мир может быть понятен, но не познан.

Что понятно? И что такое понимание?

Итак, что же такое понимание? Один субъект вызывает какие-то чувства у другого субъекта. Мне его жалко, я ему сочувствую, я его люблю, я его боюсь, я его ненавижу и т. п. Предполагаемые этим вторым субъектом эмоциональные состояния первого субъекта, вызывающие у него те или иные чувства следует определить как *понимание*. Так он (наш второй субъект) понимает его (первого субъекта). Это *понимание* нашего второго субъекта¹. Даже если существование «первого субъекта» лишь предполагается. Конечно, понимание субъективно, в отличие от знания, которое всегда объективно². Но как таковое оно (понимание) остаётся в сфере духа, что для нас особенно ценно.

Спешим успокоить материалистов, у понимания есть своя оппозиция истинно/ложно: адекватно/неадекватно. Адекватное понимание называется *интуиция*.

И, всё-таки, продукт интуиции не выходит за рамки субъекта и говорит исключительно его языком, используя его эмоциональный и имажинативный опыт. Именно поэтому интуиция так часто использует язык символов и метафор (заметнее всего это на примере сновидений). Это ещё одно отличие понимания от знания.

К чему же мы пришли? Мы пришли к тому, что образцом постижения метафизических реалий должна стать не наука, а мифология.

Теперь вернёмся к вопросу об абсолюте.

Учитывая его особую важность, я дал нижеследующему абзацу самостоятельное название.

МЕТАФИЗИКА ВРЕМЕНИ

М. Хайдеггер анализировал бытие, чтобы придти к пониманию времени. Мы анализируем время, чтобы придти к пониманию бытия.

Символ времени – часы. Это не случайно. Надо доверять интуиции тех, кто создавал слова и вещи.

¹ Нетрудно увидеть, что здесь слово «понимание» – не глагол, а существительное.

² Почему всегда, это отдельный разговор. См. например [5].

Для нас время это необратимость изменений. И мы хотим знать, почему это так, и можно ли что-либо с этим сделать? Быть может, мы думаем даже иногда, что это путь к бессмертию. Время движется из прошлого в будущее, оно развёрнуто в бесконечность, оно не предсказуемо – создаёт новое и убивает старое и не повторяется. И при этом его символ часы.

1. Их движение обратимо само по себе. Механические и любые другие часы постоянно возвращаются. Последовательно приходят туда, где были.

2. Они движутся из будущего в прошлое. Стрелка заведённых часов сдвинулась с места и начала движение по направлению к исходному пункту, т. е. в прошлое.

3. Они полностью предсказуемы.

Здесь нет никаких изменений, и это не случайно. Само время не меняется. Поэтому его символ часы. Количественные изменения (количество оборотов стрелки) никак не влияют на качество (всё те же часы и минуты) и поэтому не имеют значения. Какое однообразие. От «скуки» оно создаёт мир темпоральных объектов¹. Временных, т. е. порождённых временем. Время созидатель и высший властелин созданного им Мира. Но это скучающий Бог, который от скуки (я, пожалуй, уберу кавычки) творит всё многообразие сущего. Живя, познавая, страдая, мы лишь развлекаем Его.

Время обладает вечностью. Время носитель вечности. Время никогда её не отдаст. Нельзя отнять вечность у Времени. Время – Бог – Зерван созидает этот Мир, владея вечностью. Его можно просить продлить наши изменения. Некоторые восстают против Него и сами прекращают эти изменения. Если бы я стал вечным, я бы тоже перестал изменяться, как Время, потому, что уже ясно из сказанного, само Время не меняется. И уже ясно из сказанного Время ни за что не отдаст вечность. И именно поэтому Время избегает повторений, чтобы не отдать вечность. Ведь вечность – это отсутствие Времени. Вечность это отрицание Времени.

А Декарт увидел это так (я бы даже сказал, увидел результат, а не причину, просто описал результат): «Если бы я даже мог представить, что всегда был таким, каков теперь, то всё-таки я не уменьшил бы этим убедительности своего рассуждения, и не перестал бы понимать необходимость того, чтобы Бог был творцом моего бытия. Ибо всё время моей жизни может быть разделено на бесконечное число частей, из которых каждая никоим образом не зависит от остальных. Ведь из того, что я существовал некоторое время тому назад, не следует, что должен существовать и теперь, если только какая-нибудь причина не порождает или не создаёт меня в настоящее мгновение сызнова, то есть сохраняет меня. В самом деле, для всех тех, кто станет внимательно рассматривать природу времени, будет вполне ясно и очевидно, что для того, чтобы сохраняться во все мгновения своей продолжительности, субстанция нуждается в той же силе и в том же действии, которые были бы необходимы для её порождения и создания сызнова в том случае, если бы она ещё не существовала» [6, с. 366–367]. Выделим специально связь необратимости времени с особенным. Если бы время было обратимо, не было бы никакой определённости. Всё можно было бы переделать заново. То же касается и неповторимости.

¹ Время порождает временное. Мы не можем уйти от этой мысли. Говорим мы об индивидуации, как выделении из общей матрицы, или представляем, как это делает Д. Бом, как фитонный вакуум развёртывается в нашу Вселенную, порождая весь спектр физических процессов и явлений.

Список цитированных источников

1. См.: Анисов А. М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. М.: Наука, 1991.
2. См.: Вартофский М. Понятие тождества у Юма и Principium Individuationis // М. Вартофский. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988.
3. См.: Время, измерение и противоречие // Г. Х. фон Вригт. Логико-философские исследования. М.: Прогресс, 1986.
4. Лейбниц Г. В. Соч. в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1983.
5. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М.: Наука, 1979.
6. Декарт Р. Избр. произв., М.: Госполитиздат, 1950.

3. Особенное и абсолют.

Да, лучше миф, чем заблуждение, возведённое в ранг истины. Все эти тенденции: скука, игра, опасение и следующие за ними, существуют, но не могут рассматриваться как функции какого-то субъекта, т.е. чего-то особенного. Это лишь взаимодействие абсолюта с особенным. Но за словом абсолют стоит то, что мы не можем помыслить. Только лишь вообразить. Персонифицировать, как можно персонифицировать причинность (любую), придумав Бога. Да ещё по образу и подобию своему.

Вот что я хочу сказать. Это очень просто. Когда человек о чём-то думает (это что-то мы договорились обобщённо называть словом «объект»), он выделяет это что-то, этот объект, из остальной реальности и противопоставляет его ей (выделение фигуры из фона, как сказали бы психологи-гештальтисты). Это что-то (всё что угодно, всё о чём мы думаем) мыслится как нечто автономное, *отдельное*, наделённое своим собственным микробытием – существованием. С момента выделения объекту противостоит весь остальной мир, тоже рассматриваемый теперь как *отдельное* как объект, с теми же свойствами. Так выделение *отдельного* создаёт иллюзию незавершённости пространства и времени. При этом другого не дано. Ведь для нас нечто завершённое во времени утрачивает существование.

Ещё раз. Думая о чём-то, мы выделяем его как объект. То что остаётся в остатке, так сказать фон, автоматически начинает мыслиться как другой объект – мир, отсюда все эти мысли о космосе, вселенной, мироздании, универсуме (дальше я, пожалуй, не пойду), но как объект, как нечто *отдельное*, целостное, единое, со всеми свойствами первого, выделенного объекта, с его пространственными и временными границами. Тут уж нам *приходится* думать о том, где пространственная граница Вселенной, с чем мы тут же попадаем в известное неразрешимое противоречие: если есть граница, то что за ней, а если её нет, то как это представить? Тут наиболее наглые заявили, что Вселенная бесконечна в пространстве, только не каждому дано это помыслить, а более скромные придумали большой взрыв и расширяющуюся в самой себе Вселенную (с разными вариантами). То же случилось и с временем. Просто материалисты сказали, что Вселенная была и будет всегда, а материалисты от науки придумали начальный момент её возникновения, тот же большой взрыв, и подсчитали, что Вселенной примерно 14,5 миллиардов лет. Интересно, по каким часам?

Концентрируя внимание на отдельном, т. е. темпоральном и не завершённом, они увидели мир незавершённым в пространстве и времени. Само пространство и время стали незавершёнными. Вот, что бывает, когда задают некорректные вопросы. Спрашивают о пределах абсолюта.

Мы не можем помыслить абсолют. Мы можем его понимать, создавать мифологию абсолюта, если уж так хочется заглянуть в него, но познать, мыслить его мы не можем.

Почему это так (не можем)? И почему мы мыслим объектами?

Невозможно отделить гносеологию от онтологии. Мы можем мыслить только то, что существует в действительности. Объект, отдельное не произвол субъекта. Такой произвол был бы излишним удвоением действительности. Кроме того, объекты существуют вне нас ещё и потому, что они оказывают на нас такое же воздействие, как и мы на них. Мыслимый мир вне нас. Отдельное, индивиды, порождаемые абсолют, существуют как таковые и мы одни из них. И помыслить мы можем только подобное себе – отдельное, обладающее временностью и имеющее внешнюю границу. Дальше этого исходного образа мы никогда не уйдём. И эти базовые свойства объекта возникают из сравнения данного выделенного нечто с собой. В дополнение к этому наш опыт показывает, что нечто, завершённое во времени утрачивает существование.

Бесконечное как атрибут конечного содержательно совершенно пустое понятие. Оно ничего не выражает, кроме предела человеческого мышления. Но то, что стоит за пределами человеческого мышления не может нами мыслиться, не может стать *объектом*, потому, что лишено свойств особенного. Бесконечное лучше было бы называть запредельным.

Здесь самое время поговорить о пространстве. Я отрицаю существование пространства. Кто-то скажет мне: как можно отрицать пространство? Вот Земля, а вот Марс, а между ними пространство. Нет, скажу я, это не пространство, а расстояние. Зададимся вопросом, есть ли пространство в прошлом и будущем? Ответ будет отрицательным: нет, всё пространство в настоящем. Можно ли представить себе планету Земля вне времени? Нет. Просто Земля, вне времени. Или Солнце. Нет. Значит пространство это только мгновение настоящего?

Давайте рассмотрим понятие «пространство». Именно понятие.

Вот как устроен человек. Он не имеет непосредственного контакта с действительностью (если говорить о человеке, наделённом сознанием – личности). Своё поведение он строит на основе интеллектуальных моделей, которые выстраиваются процессом познания и могут быть как истинными, так, увы, и ложными¹. Это плата за вхождение в социум, за обладание сознанием. Бессознательное, т. е. несоциализированная психика, как и психика животных, погружено в действительность, т. е. имеет с ней непосредственный контакт. Но наше чувствующее «Я» (имеется в виду «I» по Дж. Миду) пленено сознанием. Собственно говоря, цель этой работы немножко подправить эти интеллектуальные модели.

Итак, что представляет собой понятие «пространство»? Какой образ обозначен этим словом? Имеет ли оно, взятое в фундаментальном физическом и философском значении реальный референт?

¹ Автор прекрасно понимает и принимает диалектику абсолютной и относительной истины.

Начнём с того, что наша мысль не может преодолеть пустоту. Она скользит только по объектам. Поэтому понятие «пространство» должно быть привязано к некоему объекту и не выходить за его «пределы», создавая некие пустоты между объектами. При внимательном рассмотрении мы увидим, что пространство – это синоним ограничения. Выражения «пространство» и «ограниченное пространство» тождественны. Выражение «бесконечное пространство» не имеет смысла. Пространство понимается как внутренность некоего предела. Содержанием понятия «пространство» является некая граница, очерчивающая некую внутренность себя. Отсюда понятия «открытое» (незамкнутое) и «закрытое» (замкнутое) пространство и т. п.

Но мы знаем, что никаких внешних границ быть не может. Появление границы сразу вводит понятие внутри и снаружи. Иными словами, наше пространство требует следующего пространства, в которое оно будет помещено, и т. д.

Таким образом, граница не может быть дана как некий «пространственный» предел. Иными словами внешних границ быть не может, как не может быть и линейной («дурной») бесконечности. Вывод один. Пространство имеет только внутренние границы. В мире отдельного бесконечность пространства не существует, потому что движение ограничено временностью. Чтобы двигаться бесконечно вперёд, надо бесконечно существовать, а это не возможно. Такое понимание границы делает понятие пространства избыточным, сводя сам термин к образу расстояния и направления. Пространство оказывается одномерным и производным времени, своей собственной определённости не имея. И снова мы видим, что временность (обладание временем) конструирует мир особенного.

Я употребляю слово абсолют, потому что хотел процитировать Лейбница. С таким же успехом я мог бы сказать субстанция, или абсолютная идея, или ноумен, или абсолютная воля (это последнее словосочетание, пожалуй, наиболее подходящее, если ограничиться европейской традицией, но точнее всего было бы понятие Безымянного Дао). Но я всё время испытываю чувство дискомфорта при этом. Есть некое великое неизвестное – абсолют Шеллинга, абсолютная идея Гегеля, которые, если и просыпаются в человеке к самосознанию, но не превращают его в «конечного духа». Мы его продукт, но мы не Оно. Мы видим дела Его, но мы не понимаем их. Мы нашли выход и остановились на том, что это Игра. И поняв их как Игру сразу (логически) предположили стоящую за ней скуку. Когда Трисмегист говорит: «пребывающее вверху и пребывающее внизу взаимоотражены и в этом чудо единого», он пускает мысль по ложному пути.

Проблема индивидуации, или проблема существования единичных сущностей, индивидуальных вещей и конечных модусов всегда формулировалась в виде вопроса о том, каким образом бесконечная субстанция даёт начало конечным вещам, индивидам, или как одно производит многое.

Вот Спиноза. Утверждая, что совокупность не может образовать бесконечность и поэтому бесконечность не состоит из частей и не перечислима, он пришёл к компромиссному решению, что каждая единичная вещь «выражает» бесконечное. Поэтому каждая отдельная вещь бесконечна или постигается мышлением как бесконечная, поскольку она постигается в её отношении к Богу как источнику её существования. Ведь любая отдельная вещь или конечный модус имеют основу своего существования не в себе, а в субстанции. В таком случае следует принять, что субстанция присутствует во всех вещах как их имманентная причина. Но тот же Спиноза замечает, что становясь особенным они противостоят всеобщему появлением единичных свойств, присущих только им «случайных», не существенных качеств, делающих их неповторимыми и уникальными. Неповторимость и уникальность есть несущественные качества особенного?

Мы позволим себе утверждать, что *существует* только то, что обладает временем, т. е. порождённое как преходящее и уникальное. Общее, повторяющееся у всех, всё то,

что воспроизводится не изменяясь (например, процессы обмена веществ, присущие всем живым организмам, или устоявшиеся представления), на самом деле лишь фон, на котором разворачивается драма подлинного творчества. Для того же Спинозы природа индивидуальной вещи образуется не общими свойствами, а, напротив, её уникальными свойствами. Сущности индивидуаций являются единичными сущностями.

К такому же выводу приходит А. Бергсон, для которого метафизическое исследование предмета состоит в выявлении того, что есть в нём существенного и ему одному принадлежащего. «Чем больше мы углубляемся в природу времени, тем лучше мы понимаем, что время означает изобретение, творчество форм, непрерывное изготовление абсолютно нового» [1, с. 7].

При этом добавим, что в настоящем объекта есть скорость, интенсивность изменений, так сказать масштаб настоящего, который обеспечивает сосуществование различных объектов. Вот, например, я, человек, и дерево. Можно подумать, что у нас разная интенсивность изменений, разный масштаб настоящего. Дерево в моём саду меняется почти незаметно. Кажется, оно никуда не спешит. Тем не менее, скорость наших изменений, интенсивность нашего настоящего одинакова с минимальной погрешностью. Иначе мы бы не существовали друг для друга. И так всё во Вселенной, что доступно нашему восприятию. Так для человека, всё доступное органам чувств лежит в настоящем. Вспомним антропный принцип Б. Картера. Вот ещё один критерий настоящего. Динозавры доступны органам чувств? Нет. Солнце, когда оно превратится в красного гиганта, что должно произойти с ним через несколько миллиардов лет? Нет. Ручка, которой сейчас человек пишет? Да. Томик Пушкина, стоящий на полке в другой комнате, ключ от которой потерял? Да. Холодный вулкан на Титане, который, перенесись человек туда мгновенно, он мог бы видеть? Да. Протуберанец звезды, находящейся за пределами возможности современной астрономической аппаратуры? Да, на тех же условиях. И не надо интеллектуальных иллюзий¹.

Итак, оставаясь в рамках познаваемого, хотя и не забывая о наших метафизических догадках, следует придать особенному значение абсолюта. Особенное – фундамент всего сущего. Достаточно создать вот этот лист бумаги, один единственный, или вот эту скрепку, чтобы появилась вся остальная Вселенная. Но это будет Вселенная (одного единственного) листа бумаги, или (одной единственной) скрепки. Чтобы получить другие варианты, надо создать другие разновидности особенного. Но не надо думать, что следует сразу позаботиться обо всём, чтобы создать всё многообразие Мира. Речь не об этом. К тому же «всё многообразие Мира» как мыслимая одновременность, как актуальная бесконечность – пустое понятие. За ним ничего не стоит и оно ничего не выражает.

Что такое особенное? Вещи? И вещи тоже. Но ещё идущий сейчас за окном снег, и мелодия, которую я слышу из соседней комнаты и узор на этой салфетке (она рифлёная и на ней выдавлено много-много маленьких ромашечек). Это всё то, о чём можно говорить *отдельно*, выделяя его из Мира. Ниже я попытаюсь доказать, что все они рядоположены, так как имеют одинаковые основания. И, подчеркнём ещё раз, Мир не совокупность таких оснований.

Движение мысли в этом направлении есть отрицание принципа относительности. Оно приводит к введению абсолютного. Всегда, (т. е. в любой момент времени, в любом со-бытии) выделяется абсолютная точка отсчёта. В скобках я сказал «в со-бытии», хотя точнее было бы говорить в со-существовании, но литературная традиция требует такого словоупотребления. Вспомним, в главе первой было показано, что в любом событии есть абсолютная точка отсчёта. Она связана с основным отношением этого события, т. е. с порождающим его *действием*. Вспомним элементы события.

S – субъект действия;

O – объект действия;

¹ Надо, однако, уточнить, что здесь речь не идёт об одновременности.

R1 – ассоциированный наблюдатель (1-я ступень рефлексии);
R2 – вы, читатель (вторая ступень рефлексии);
B1 – не ассоциированный наблюдатель;
B2 – не ассоциированный наблюдатель;
B3 – не ассоциированный наблюдатель;
S – O основное отношение.

Субъект действия не обязательно человек, например молния. Но может быть и человек. Это всё то, что оказывает воздействие, и составляет первый член основного отношения. Мы вынуждены идти на такое упрощение терминологии, обозначив субъектом аргумент любой функции, чтобы не загромождать изложение.

Правильной (она же абсолютная) точной зрения обладает наблюдатель, ассоциированный с реальностью, которая определяет существование всего события.

Принцип относительности спасает образ Вселенной как чего-то целостного, единого, завершённого¹. Наша задача разрушить принцип относительности. Наша позиция – позиция эгоцентризма, так много раскритикованная и преодолеваемая. Как будто можно выйти за рамки себя, а не идти от одного эгоцентризма к другому.

Принцип относительности с его равноправием систем координат конструирует Вселенную как единое целое, как объект. Это заблуждение. Мы действительно всегда мыслим Мир только через отдельные объекты. Мы смотрим на Мир сквозь призму отдельных объектов, что обусловлено реальными особенностями нашего существования. Поясним это на простом примере. Сегодня утром в своём саду, стоя перед большим кустом чёрной рябины, я подумал: и ему нужна своя вселенная? Конечно. Для того, чтобы существовать ему нужна почва и атмосфера, окружающие твёрдую поверхность *планеты*, вращающейся вокруг *звезды*, которая не может быть вне *галактики*, которая, в свою очередь, не может быть вне местной системы *галактик*, которые могут существовать только в *космосе*. Всё это, плюс сам куст, нужно и отдельной ягоде на нём, чтобы существовать. И пока я стоял и думал об этом пошёл дождь, и я понял, что всё это нужно и дождю, чтобы существовать. Чтобы в Ничто создать скрепку, необходимо дополнить её всей Вселенной. А то скрепки не будет.

Добавим к этому, что нет минимального элемента события. Всякий минимальный элемент события сам есть событие, создающее свою собственную Вселенную.

Очень хочется ответить оппонентам, одно из возражений которых я с лёгкостью предвижу.

– А если рассчитали полёт на Марс и достигли Марса. Чем это объяснить, как не объективностью знания, подтверждённого практикой? (Или ещё лучше: как не материальным единством Мира)?

– В том, что всё правильно рассчитали и достигли Марса нет ничего удивительного. Летели то в космосе *своего* события. И если в их космосе это возможно, они и до галактики в созвездии Андромеды долетят.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам.

Любое особенное обладает своим собственным существованием.

Особенное – структурирующий элемент Мира. С появлением особенного появляется Вселенная.

Каждое особенное структурирует Мир по-своему.

Список цитированных источников

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1909.

¹ Напомним здесь, что единство и взаимосвязанность природы ставится квантовой теорией под сомнение.

4. Становление или своевременность. Феноменология причинности.

Дальнейшее изложение представляет собой чрезвычайную сложность. Дело в том, что вся эмпирическая и экспериментальная, в том числе, база исследования, послужившая основой обобщений данной теории, помимо, разумеется, непосредственных интуиций автора, вынесена в пятую и последующие главы. Мне же необходимо, прежде чем обратиться к ней, ввести несколько новых понятий. По этой простой причине данная глава будет отличаться предельной абстрактностью изложения.

Цель этой главы – углубить понимание настоящего, соотнести понимание настоящего с особенным. Решить проблему идентичности особенного.

Продолжая наши рассуждения об особенном и Абсолюте следует признать, что трудности, возникающие в понимании субстанциональной природы времени, связаны не с отсутствием эмпирических данных и не с неразвитостью категориального аппарата, а с существованием категории, которая мешает такому пониманию. Это категория становления. Эта категория вносит представление о каком-то конечном, финальном, а значит вневременном существовании, каковым только и может быть существование «ставшего». Время не будет понято до тех пор, пока остается допущение того, что может быть что-то, обладающее конечной целью, что, вообще, что-то может быть целым, законченным, что существующее в каждый отдельный момент как часть может быть собрано воедино и предстать как законченное, противопоставленное всему остальному миру образование.

Применительно к человеку как субъекту это означает, что он никогда не бывает весь, целиком в настоящем. В каждый отдельно взятый момент времени он присутствует только одной своей стороной как абстракция [1]. И если только настоящее реально, получается, что реальность состоит из абстракций. Здравый рассудок не может с этим согласиться. Здесь мы сталкиваемся с новым парадоксом времени. Если будущего нет, его невозможно предвидеть, предчувствовать и даже планировать. А если его можно предсказать, какое же это будущее? (То есть, я хочу сказать, если оно уже есть, значит, находится в настоящем). Остается только одно движение назад, к тому, что уже было. Или признать субстанциональность времени и раздвинуть рамки реально существующего за пределы «момента» настоящего. Тогда, как мы показали уже в другом месте [2], придется ввести несколько измерений времени для всякого сущего.

То, чего уже нет – прошлое.

То, чего еще нет – будущее.

То, чего еще нет, но уже есть – «пространство» созидания.

То, чего уже нет, но еще есть – совокупность сохраняемой на различных носителях информации, создающая длительность («пространство» информации). Здесь термин «пространство» берется метафорически, за неимением более точного, относящегося к собственно времени. Можно, впрочем, использовать понятие «вневременное», но оговорив его отличие от вечного. Последние два измерения описывают то, что принято называть настоящим. То, чего еще нет, но уже есть область начала события, еще не проявленного. Это то, о чем один из героев М. Булгакова мог сказать: «Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но уже и разлила» [3, с. 20]. Это «пространство» создающееся. То чего уже нет, но еще есть, это «пространство» произвола. Прошлое, остающееся в настоящем и сохраняющее свое влияние. В его рамках сохраняется иллюзия причины движения.

Многое вызывает сомнения в традиционном понимании причинности. Прежде всего, это разорванность причины и следствия во времени. Причина остается в прошлом. Считается, что это все те события прошлого, которые могут повлиять на событие, лежащее в настоящем. Может ли причина существовать до следствия? Нет. Но тогда,

можно ли, не будучи причиной, вызывать следствие? Причина может находиться только внутри события. Причина это не внешний толчок, приводящий к переходу объекта в другое состояние. Это то свойство объекта, которое под воздействием внешнего толчка приводит к его переходу в другое состояние. Это свойство, точнее совокупность таких свойств, дающая объекту определенность, в своей возможности и действительности обеспечивая его существование, и есть его сущность. Так, причиной взрыва парового котла является не повышение температуры внутри него, сопровождающееся повышением давления, а недостаточная прочность его стенок. Причиной события всегда выступает некий предел возможного. Вот почему, даже всякая случайность строго детерминирована. Мы не знаем, какая цифра выпадет при подбрасывании кубика: 1, 2, 3, 4, 5 или 6. Мы знаем лишь, что вероятности их выпадения равны и составляют $P = 1/6$. Но мы можем не сомневаться, что в любом случае выпадет либо 1, либо 2, либо 3, либо 4, либо 5, либо 6 и никогда не выпадет 7, 8 или 9. Таким образом, вероятность выпадения той или иной цифры детерминирована пределом возможного. Причинность оказывается не чем иным как ограничением. Внешний толчок лишь создает условия для проявления причины.

Такое понимание причинности требует учета, по крайней мере, четырех элементов. Начального состояния объекта, последующего состояния, причины этого последующего состояния (предела возможного) и того, что приводит систему в движение. Это последнее всегда загадка и не может быть описано понятиями причины и тем более закона. Оно всегда исчезает и остается как бы за кадром, присутствуя лишь виртуально.

Субъект может находиться в одном из двух измерений. Пребывая в том, что уже есть, но еще нет, он становится частью необходимого, проводником создающегося. Это пребывание переживается, как «мне хочется», и выражается во вдохновении, наитии, творчестве. Пребывая в том, чего уже нет, но еще есть, субъект совершает волевые усилия. Это пребывание переживается, как «я хочу». (Это можно проиллюстрировать таким примером: я хочу спать, но мне не хочется). Находясь в пространстве произвола, нося в себе нереализованную возможность, субъект борется за этот толчок, способный реализовать его сущность, привести в действие причину. Здесь субъект, побуждаемый волевым началом психического, стремится стать тем четвертым элементом, который создает движение. В модусе «мне хочется» он движим, он уже этот элемент. Как полагал М. Хайдеггер человек это сущее, существо которого в «присутствии» (die Anwesenheit). Человек существует постольку, поскольку осуществляет возможности своего присутствия. И вообще, первичная данность мира это не образы ощущения и восприятия, как полагал, скажем, Вл. Соловьев, а чувство бытия, встраивание и сопричастность $\phi\nu\sigma\iota\varsigma$. В чистом виде, чувство бытия это чувство времени.

Что можно сказать о будущем, о том, чего еще нет? Далее может показаться, что мы выходим за рамки избранной нами методологии и говорим о Вселенной в целом. Но это не так, единственной реальностью и поэтому единственным анализируемым здесь остаётся особенное.

Итак, мы отказываемся от предзаданности Идеи, как предела чувственно-материального становления. Если энтелехия и может существовать, то только как тенденция, отрицающая самое себя.

Если бы Вселенная (каждого отдельного) была бесконечна, бесконечно большое и бесконечно малое были бы тождественны. Мир конечен и ограничен. Само настоящее может быть только там, где есть начало, т. е. первый момент после творения. Настоящее как граница предполагает позади и впереди себя нечто конечное. С другой стороны Вселенная не может быть конечной и завершённой, т. к. возникает вопрос, в чем она находится (вселенная второго порядка, и т. д., дурная бесконечность)? Поэтому будущее это возрастающее «пространство» выбора. (Применительно к которому расширяющаяся Вселенная – только удачная метафора). Будущее составляет все то, что существует одновременно, т. е. вне взаимодействия. Одновременность не порождает его существования, но есть лишь его существенное свойство. Внешняя граница, внутреннее

содержание чего бы то ни было, появляются там, где исчезает одновременность. То, что существует, исключает одновременность. Отсутствие одновременности есть существование, есть жизнь. (Обменные процессы в организме, передача нервного импульса и т. п., имеют начало, течение и конец, т. е. требуют времени). Одновременно протекающие события никак не могут быть связаны между собой. Одновременность – условие атомарности, дискретности, дизъюнктивности¹ мира. Его расчлененности.

Одновременность – синоним хаоса, под которым следует понимать наличие множества неотделимых друг от друга возможностей. Порядок начинается в тот момент, когда мир равных возможностей исчезает [5, с. 45].

Метафорически можно сказать, что будущее это обрушивающаяся одновременность. Поэтому стрела времени направлена в прошлое, создавая иллюзию жестких причинных связей. Да, да, прошлое впереди нас. Оно поджидает нас, и какое-то время остаётся с нами. Даже то прошлое, которое не реализовалось. Весь этот мир законов, все это ставшее и неизменное, то, что мы ошибочно принимаем за мир бытия, все это прошлое. Оно недоступно нашему влиянию.

Если продолжить метафору Большого взрыва, то всеобщая диссоциация должна была породить обратную тенденцию. В противном случае мир стремился бы к полному самоуничтожению, и, скорее всего, уничтожился бы мгновенно. Что-то должно противиться этому уничтожению, препятствуя развитию «взрыва», тормозя его. Гравитация, открытая физикой одно из проявлений этого сопротивления, частное проявление времени². Назначение времени исключить одновременность. Момент, в котором преодолевается одновременность это настоящее. Настоящее точка стремления сущего, точка сборки. Оно, в принципе недостижимо (поэтому «сборка» – не становление), это то, куда все стремится. Оно все время процесс, и никогда результат. Силу, организующую это стремление, выше мы назвали Временем.

В настоящем происходит *взаимодействие*. Процесс всегда возникает из взаимодействия, и вне взаимодействия существовать не может.

В каждый отдельный момент в настоящем находится нечто, еще не претерпевшее необратимых изменений, но уже «взятое» Временем. То, что уже изменилось – исчезло, а не осталось, став другим. Вместо него появилось новое. «Если бы “теперь” не было каждый раз другим, а тождественным и единым, времени не было бы» [6]. Как уже говорилось, неповторимое это особенное, индивидуальное. Времени нет там, где нет индивидуальности (особенности, неповторимости). Вот почему времени нет в микромире. Время порождает многообразие, неповторимость.

«Взятое» временем пребывает в том, чего еще нет, но уже есть. Для субъекта это создает возможность выбора. Он может вписаться в него, реализуя свою сопричастность, или нет (опоздать, пропустить).

Здесь уместен вопрос, а как мы узнаем, о том, что что-то изменилось? Изменилось по сравнению с чем? Здесь снова следует обратиться к тому, чего уже нет, но еще есть, к вневременному.

Время познается и измеряется через свою противоположность вневременность. Оно мыслится через цикличность, повторяемость, воспроизводимость. (Так создаётся образ Времени в понимании). Когда говорят, что что-то изменилось, имеют в виду по сравнению с собой бывшим, но ведь этого бывшего уже нет. Его образ может сохраняться только в повторяющемся. Таким образом, то чего уже нет, но еще есть, вневременное, есть инобытие времени. Мы не можем отнести его к временному, или вечному, но к вневременному. Здесь мы имеем снятие времени (ёмкое немецкое слово «das Aufheben» означает сохранить, удержать, а также устранить, прекратить, положить конец). Таково

¹ По терминологии А. В. Брушлинского [4].

² Мысль о гравитации сразу ассоциируется с мыслью о Вселенной как целым. Идея гравитации, однако, при более пристальном рассмотрении, противоположна идее Вселенной как целого. Гравитация это сила, стягивающая всё доступное ей в точку (что это за точка?), формируя противостоящие Вселенной объекты.

пространство: я возвращаюсь куда-то и нахожу то, что было. Сказанное выше приводит к парадоксальному выводу относительно собственно пространства. Пространство одномерно и выводимо из того чего уже нет, но еще есть, т. е. является производным времени, своей собственной определенности не имея. Пространство лишь иллюзия.

О прошлом, о том, чего уже нет, я ничего не могу сказать.

Можно выделить еще два временных измерения для субъекта: время самости (здесь берется как мера индивидуации, т. е. самоосуществления) и время исторической локализации, определяемое моментом рождения. Причем последнее не является произвольным или случайным, а выступает как решающая детерминанта. Я глубоко убежден, что наше пребывание на историческом отрезке не случайно. Нельзя перенести кого-либо, или что-либо из одного исторического отрезка в другой. Нельзя возродить динозавров или какую-нибудь историческую личность. Это не их время. Время исторической локализации это «пространство» индивидуации субъекта. То историческое «пространство», которое дается ему для реализации своих сущностных сил. Именно оно и определяет *своевременность* того, что потом станет прошлым – тем, чего уже нет.

Список цитированных источников

1. См.: Гегель, Г. В. Ф. Кто мыслит абстрактно? // Гегель. Работы разных лет в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1970.
2. См.: Поликарпов, В. А. Становление и своевременность. Субстанциональная концепция времени сквозь призму психологии // Время как фактор изменений личности. Сборник научных трудов под ред. А. В. Брушлинского и В. А. Поликарпова. – Мн.: ЕГУ, 2003.
3. Булгаков, М. Мастер и Маргарита. – М.: Художественная литература, 1988.
4. См.: Брушлинский, А. В. Мышление и прогнозирование. – М.: Мысль, 1979.
5. Николаев, Т. Долгий путь жизни. – М.: Мир, 1986.
6. Аристотель. Физика // Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1981.

5. Ключевые факты

Прежде чем пойти дальше решим одну методологическую проблему. Выше мы пришли к выводу, что особенным, лежащим в основании мира, может быть и лист бумаги, и скрепка, и идущий за окном дождь, и музыкальная мелодия. Этот ряд можно продолжить до бесконечности. Здесь намеренно перечислены предметы так называемой материальной действительности. Но можно ли уравнивать явления материальной и «психологической» действительности, говоря языком Г. Риккерта?

Г. Риккерт противопоставляет понятие единичного бытия во всей его особенности и индивидуальности понятию закона, выражающему общее, что заставило говорить о различии между естественно-научным и историческим методом [1].

Первый выражает общее в вещах, второй индивидуальное каждой из них. Для него содержание естественно-научных понятий состоит из законов, т.е. из безусловно общих суждений относительно более или менее широких областей действительности. В то же время, – замечает он, – не существует науки об единичном и особом, которое она бы рассматривала с точки зрения единичности и особенности.

По мнению Г. Риккерта доминирование естественно-научного метода, который он называет генерализующим, привело к выделению двух видов реальности: той, которая заполняет пространство и незаполняющей. Он называет их материальная и психическая действительность. Генерализующие науки не могут ввести в одну систему понятий оба рода объектов. В итоге получается наука о телах и психология. По мнению Г. Риккерта,

всякий психический процесс может быть исследован лишь в связи с единством всей души в целом. Видимо он берёт только содержание психического процесса, т.е. его личностный, а не процессуальный аспект. Но далее он постулирует своё центральное положение: вопрос об особенном должен быть поставлен с точки зрения ценности.

Для Г. Риккерта не может быть других ценностей кроме ценностей культуры. Мы образовываем понятия с индивидуальным содержанием, – утверждает он, – когда соответствующий объект почему-либо и сам «интересен» или «важен», поскольку он отнесён к признаваемым нами ценностям культуры.

Эта дихотомия – природа и культура кажется нам надуманной. Ведь всё ставшее объектом познания выделяется как особенное, и всё познаваемое имеет отношение к ценностям. Приведём здесь цитату из Э. Кассирера, частично подтверждающую это положение: «всеобщее всегда проявляется лишь в особенном, особенное всегда должно мыслиться в отношении ко всеобщему» [2, с. 18].

Только метафизика может избавить от рассмотренной дихотомии.

Нет философии без метафизики. Однако попытки устранить метафизику из философии, сами того не желая, подсказали интересное направление развития метафизической мысли – критику средств феноменализации. Л. Витгенштейн обратил внимание на то, что язык может быть причиной многих философских вопросов. Их сущность – т.н. «грамматические иллюзии». Он призвал к «битве против околдования нашего интеллекта средствами языка». Почему бы не пойти дальше и не проанализировать всю *психологическую* систему репрезентации знания. В известном смысле, цель этой работы не сформировать у человека новые образы¹ и не придать имеющимся образам новые обозначения, а избавить его от химер. Помочь убрать мешающие образы. Преодолеть существующие ныне стереотипы мышления.

Действительно, язык, в силу двойственности своей природы, скорее заслоняет реальность, чем проясняет её, создавая «химеры» по выражению Л. Витгенштейна. Двойственная природа языка состоит в том, что любое слово и, соответственно, любое высказывание, кроме непосредственно обозначаемого, опираются ещё и на исходный наглядный образ. Например, слово «засыпать» означает, и засыпать песком, или чем-то сыпучим, некую ёмкость, и засыпать в постели. Когда мы говорим о засыпании в постели исходное значение никуда не девается. Оно сопутствует употребляемому, скрываясь где-то на периферии сознания, но может появиться в сновидении, или в мифе. Так появляется Песочный человечек, который сыпет детям песок в глаза, чтобы они заснули². В немецком языке слово *der Zweifel* означает сомнение. Специалисты в области символдрамы [3] утверждают, что в сновидениях двойственность чего-то: две ступеньки, два окна в доме, два на циферблате часов и т.п. символизируют сомнение. По-немецки два – *zwei*. Стекло означает, что что-то стекло (откуда-то) и то, что вставляют в оконные рамы. Материя – ткань, из которой шьют одежду и материя в философии. Первоначальный смысл никуда не девался, его слышит наше бессознательное, формируя свой образный ряд, влияющий на мышление. Вот фраза: «Отсутствие ясной политики у Петербургского Совета зависело не от личных свойств, а от того, что революционная волна подняла их на свой гребень» [4, с. 53]. Ясно вам что-нибудь? Если да, то это иллюзия понимания. Там дальше ещё лучше: революционные массы затопили... Всё это легко *представить*. Слово «революционные» указывает на то, что эти массы состояли из людей. Добавим к этому ещё цитату из Н.А. Бердяева: «Я сочувствовал «падению священного русского царства»...я видел в этом падении неотвратимый процесс развоплощения изолгавшейся символики исторической плоти» [5, с. 473-474]. Опять ясно? Он же сам говорит, что он видел. Вот и всё. А кто видел 50 миллионов человек замученных и убитых. Отметим для себя, что все приведённые выше фразы, как, впрочем, и все вообще фразы, которые можно произнести, взятые в своём исходном, первоначальном значении, содержат в себе наглядность и

¹ Слово – тоже образ.

² Э.Т.А. Гофман обработал славянскую народную сказку

связанное с ней чувство. Формируя абстрактные понятия, мы не можем вырваться за пределы наглядности. Более того, часто она, незаметно для нас самих, начинает оказывать влияние на наше мышление. Часы, которые я себе выбрал, имеют белый циферблат, чёрный корпус и зелёные стрелки. У девушки, знакомство с которой подтолкнуло меня к работе над этой темой [6] – бледное лицо в чёрной рамке волос и зелёные глаза. Я понял это уже после покупки. Когда мы подбираем незнакомое слово, или фразу, чувствуя, что найденные сюда не подходят: не то, не то, – мы и не догадываемся, что нами управляет некий наглядный образ, вроде бы не имеющий отношения к делу, который требует слово, не нарушающее его идентичность. Иногда, очень редко, люди это понимают. Существует предание, что когда древнегреческого архитектора Евпалина спросили, как ему удалось построить столь прекрасный храм. Он ответил: «Этот утончённый храм – всего лишь математическое изображение одной девицы из Коринфа, которую я очень любил когда-то».

А вот к чему привела интрижка Корбюзье с экзотической танцовщицей и певицей Жозефиной Бейкер. Корбюзье познакомился с ней на теплоходе. «Он рисовал её без усталости: танцующую, обнажённую, спящую. Только спустя много лет он вдруг понял, что эти изображения Жозефины заставили его изменить всё в своей архитектуре! Многие удивлялись: пророк прямых линий, геометрических построений, строгой сетки вдруг стал ... делать проекты, где линии были кривыми, улицы извилистыми. Достаточно взглянуть на план застройки Алжира: что-то знакомое чудится в этих кривых...» [7, с. 128-129]. Далее, по-моему, цитировать неприлично. Желаящие могут обратиться к источнику. В любом случае смысл ясен.

А как понимать фразу, которую говорит герой романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» художник Бэзил Холлуорд лорду Генри: «В тех моих картинах, на которых Дориан не изображён, его влияние чувствуется ещё сильнее. Как я уже тебе сказал, он словно подсказывает мне новую манеру письма. Я нахожу его как откровение в изгибах некоторых линий, в нежной прелести иных тонов» [8, с. 40].

Но мы, зная уже это, попробуем вернуться к понятию пространства и выяснить, что же нам делать теперь, когда мы поняли всё это. Попутно отвечу появившимся критикам. Я не отрицаю пространство особенного, например, пространство субъекта. Я лишь отрицаю абсолютное пространство.

Л. Витгенштейн предлагал задавать вопросы к языку. «Вопрос: «Для чего, собственно, мы используем это слово, это предложение?» – всегда ведёт к ценным прозрениям в философии» [9, с. 64]. А мы пойдём ещё глубже. Разберёмся с наглядным образом, лежащим в основе понятия пространства, и посмотрим, что мы получим.

Мы выяснили, что на уровне образа пространство это граница. Это неместилище, это граница. Пространства какместилища, как вмещающей в себя всё пустоты, нет. Это только граница. Надо хорошо уяснить это. Пространство это не то, что разделяет меня и тебя, это граница, внутри которой происходит такое разделение. Вот правда исходного образа.

Но не вправе ли мы пойти дальше и спросить: граница чего? Граница пространства? Пространство – граница пространства. Похоже на тафтологию. Никакой тафтологии нет. Чтобы избежать дурной бесконечности, о которой предупреждал Гегель, количественное увеличение пространства должно приводить к его качественным изменениям. Граница просто обозначает скачок. Пожалуйста: одномерное пространство это граница двумерного, двумерное пространство – граница трёхмерного и т.д.

Рассмотрим двумерное пространство, как границу трёхмерного. Проще простого. Это шар – излюбленный образ физиков-релятивистов. Его поверхность – двумерное пространство, бесконечное для двумерных существ, имеющих одномерную границу, определяющую их индивидуальность. Здесь появляется субъект. Л. Витгенштейн пишет: *Das Subjekt gehört nicht zur Welt, sondern es ist eine Grenze der Welt.* Дословный перевод: субъект не принадлежит миру, а он есть граница мира [10, с. 56]. Добавим здесь, что

некоторые из гипотетических двумерных существ, ползающих по двумерной поверхности своего трёхмерного мира, и воспринимающих всё в одном измерении могли бы понять, что на самом деле их мир трёхмерен – шар! т.к. двумерный мир, который, кстати, уже не доступен их восприятию, как нам наш трёхмерный, существовать не может. Но это самые умные, вроде нас с вами.

Из сказанного следует, кстати, что качественно определённое пространство имеет только внутренние границы.

Если продолжить работу с этим образом, то выяснится, что мы, а вместе с нами и весь *наш мир* (мир отдельного), в том числе и планеты и звёзды и галактики, ползаем по трёхмерной границе некоего четырёхмерного мира, сами воспринимая мир как двумерную картинку, ограничивающее наше восприятие¹, придётся нам теперь задуматься об этом четырёхмерном мире, лежащим в основе нашего.

Обратите внимание, все эти интересные, на мой взгляд, мысли – результат работы с образом и никак не вытекают из нашего эмпирического опыта.

Анализ образа приводит нас к метафизике. К мышлению о том, что стоит за наглядностью. Образ заслоняет реальность и одновременно подсказывает направление мышления. Так он превращается в символ, т.е. начинает относиться не к означаемому, которое могло бы иметь место или подвергнуться верификации, а к области интуитивного знания, становясь посредником между проявленным и скрытым, обозначая неизвестную сущность сложную для осознания [11, с. 113, 131].

Проведя эту работу, мы приобрели полезный опыт.

И природное и «психологическое» объединяет то, что они имеют основу себя в трансцендентном. И то и другое лишь изображение на стене пещеры.

Образ всегда соответствует какому-то конкретному, единичному событию, осознание которого превращает его в факт. Пытаясь постичь сущность, мы ждём подсказку в каком-либо единичном событии-факте. Вспомним ванную Архимеда или яблоко Ньютона.

Существует особая категория фактов. В одном таком факте, как в кристалле, отражается целый принцип, целый закон. Я назвал бы такой факт ключевым фактом. Понимание сути такого факта тождественно озарению. А иногда на него опирается целая теория. Например, оригинальная теория агрессии И.А. Фурманова, рассматривающая агрессию как модель поведения, обеспечивающую адаптацию человека, как один из способов удовлетворения актуальных потребностей в кризисной ситуации развития и жизнедеятельности [12, с. 15], родилась из наблюдения за одним из стилей ухаживания, когда молодой человек активно добивается благосклонности своей любимой, а не находится в пассивном ожидании ответного чувства. Звонки по телефону выступают как преследование, назначение свидания или поход в гости (которые могут не нравиться) как принуждение и т.п.

И ещё пример. Студент отделения психологии Владимир Кустанович выдвинул гипотезу: позитивное решение нравственной дилеммы (т.е. решение в пользу нравственных принципов, а не эгоистического интереса) вызывает повышение полнезависимости². На эту мысль его навёл следующий случай. Он шёл по улице и увидел брошенного котёнка. Он подобрал котёнка и принёс домой. Через три дня котёнок ослеп. Можно было выбросить котёнка, но Владимир решил оставить его у себя. Приняв такое решение, он вдруг понял, как много людей выбросило бы котёнка и как теперь ему безразлично их мнение. (Ранее он предполагал у себя боязнь оценки³). Позже мы проверили его гипотезу экспериментально.

¹ Так называемый гороптер – совокупность строго определённых точек в окружающем пространстве, соответствующих корреспондирующим точкам сетчаток при каждом положении глаз. Создаёт иллюзию, что человек находится в центре некоего шара.

² Здесь полнезависимость – проявление автономии личности в ситуации влияния группы или толпы.

³ Боязнь оценки – беспокойство тем, как нас оценивают другие.

К таким ключевым фактам всегда возвращаются, когда возникают сомнения в правильности теории.

У меня тоже есть такие ключевые факты. В основном они собраны мной в процессе работы в кабинете психологической помощи ЕГУ. Итак, вот исходный материал для анализа.

В кабинет психологической помощи ЕГУ обратилась студентка с просьбой объяснить ей сновидение, приснившееся ей накануне и которое произвело на неё очень сильное впечатление. Ей приснилась гибель её жениха. Как будто он идёт по улице и вдруг атомный взрыв. Весь город меняется, становится каким-то розовым, безмолвным. Он умирает, а его душа продолжает двигаться куда-то дальше. Во сне она пытается кричать ему, предупредить о какой-то опасности, но он её не слышит. Я, конечно, наговорил ей всяких глупостей о сновидениях и успокоил. А через два дня я шёл мимо одного из деканатов и в открытую дверь увидел, как она ужасно рыдает. Я спросил, в чём дело? Оказалось, что только что позвонили на телефон деканата, просили её вызвать и сообщили ей, что её парень (они должны были вот-вот пожениться) погиб в автомобильной катастрофе.

Её сновидение записано в журнале регистрации в день обращения. Таких случаев зарегистрировано в журнале достаточно много за семь лет работы кабинета. Мы не можем их игнорировать. Я приведу самый яркий.

Полина С. обратилась ко мне после госпитализации в Городской психоневрологический диспансер за реабилитацией. Она посещала кабинет раз в неделю в течение нескольких лет. Её предвидения заслуживают отдельного рассмотрения. Вот одно из них. Однажды она пришла ко мне и сказала: мне снилось, что я пришла к Вам, а Вы принимаете меня совсем в другом месте.

– В каком?

– Не знаю, в другом.

– Опишите мне его.

– Это было на восьмом этаже (мой кабинет в ЕГУ находился на четвёртом), там рядом были метро и остановка электрички.

«Неужели я буду работать в Академии управления», – подумал я.

Через год я был вынужден сменить работу. Перейдя в БГУ, я устроился на пол ставки в ИПД психологом, и мой кабинет находился на восьмом этаже. Рядом было станция метро «Пролетарская» и остановка электрички. Совсем другое место, но с теми же приметами. Полина пришла ко мне туда. Ожидая её я вспомнил, что забыл объяснить ей как найти кабинет, который был довольно далеко от лифта в лабиринте коридоров огромного делового здания. Однако она появилась вовремя. «Как Вы меня нашли?», – спросил я. «Я уже тут была», – ответила Полина и напомнила мне о своём сновидении год назад. Надо сказать, что до моего появления кабинета психологической помощи в ИПД не было.

Работая над этой темой, я собрал обширнейший материал посредством многочисленных интервью и изучения литературы. Но всегда есть сомнения. Поэтому, за редким исключением, я буду анализировать лишь факты, занесённые в журнал регистрации кабинета психологической помощи ЕГУ. Журнал, в который последовательно делали записи трое дежуривших там посменно консультантов, нельзя подделать. И если некое предвидение, например сновидение, задокументировано под определённой датой, а затем, через некоторое время, оно сбылось, чему есть доказательства, то это факт, который трудно поставить под сомнение.

Теперь осталось только провести анализ собранного материала и показать практическое использование его результатов.

Итак, полученные образы (например, сновидения) мы рассмотрим как символы, указывающие на нечто происшедшее в той реальности, которая скрыта от сознания и которая порождает нашу. Они должны оказать на нас некое влияние, прежде всего на

наше поведение и, что не всегда обязательно, добиться своего понимания, если эмоционального влияния недостаточно.

Список цитированных источников

- 1 Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1994.
- 2 Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Bd. 1. Berlin, 1923.
- 3 Символдрама. Сборник научн. трудов под ред. Я.Л. Обухова и В.А. Поликарпова. Мн., ЕГУ, 2001.
- 4 Войтинский В.С. 1917. Год побед и поражений. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1999. С. 53.
- 5 Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Экмопресс, Харьков: Фолио, 1999. С. 473 – 474.
- 6 Поликарпов В.А. Dasein-анализ как метод психотерапии// Dasein-анализ в философии и психологии. Сборник научн. работ по ред. М.А. Михайлова и Г.М. Кучинского. Мн., ЕГУ, 1999.
- 7 Ронни Рокет. Ле Корбюзье: геометрия любви//Караван историй, ноябрь 2006. С. 128 -129.
- 8 Уайльд О. Портрет Дориана Грея//Избранные произведения в двух томах. Т.1. М.:Гослитиздат, 1960. С. 40.
- 9 Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. М., «Гнозис», 1994. С. 64.
- 10 Там же. С. 56.
- 11 Демарне Б., Нефонтен Л. Символ. М.: АСТ, «Астраль», 2007. С. 113, 131.
- 12 Фурманов И.А. Психология детей с нарушениями поведения. М.: ВЛАДОС, 2004. С. 15.

6. Диалектика особенного

Под диалектикой мы будем понимать зарождение, развитие и завершение существования чего-то нового, раньше не бывшего. Это новое мы будем рассматривать в самом широком плане как событие. Таким образом, любое событие выступает для нас как процесс со всеми его характеристиками, данными С. Л. Рубинштейном [1-3].

Предваряя анализ имеющегося в моём распоряжении экспериментального материала, я скажу несколько слов о способе его интерпретации. Эти мысли прямо вытекают из приведённого выше анализа места, которое занимает образный компонент в мышлении.

В познании времени может быть два метода: либо редукция либо интуиция. Редукция предполагает сведение проблемы к каким-либо наглядным моделям. Из новейших теорий у Пожелаева, например, это кинопроектор [4], у Анисова – лист бумаги, заполняемый словами [5], у Бахтиярова – табельный календарь [6] и т. п. В этом случае возникает иллюзия того, что анализ модели есть анализ самого предмета. Она заманчива, потому что построить непротиворечивую теорию модели не сложно. Не сложно создать ее исчерпывающее описание. Но в таком случае мы остаемся в плену понимания одного частного проявления бытия, а время повсюду и во всем. Невозможно поверить, что, скажем, река, например, в большей степени выражает одно из фундаментальных свойств бытия, чем, ну, например, движущийся поезд. Психология, как и всякая наука, чей предмет ускользает от чувственного восприятия, не мало пострадала от таких редукций. Например, в основе представлений о первой и второй сигнальных системах лежит модель телефонной станции времен И. П. Павлова. Техника ушла вперед, и сегодня когнитивная психология берет за основу компьютер. А планетарная модель атома Бора? Она до сих пор создаёт определенные ограничения в познании атома. Могут быть более сложные редукции. Например, сведение времени к одному из его проявлений: к изменчивости, к движению, к действию, или к созиданию.

Интуиция предполагает непосредственное усмотрение объекта и описание его. Здесь, конечно, возникает проблема языка, но его неразвитость может как-то компенсироваться метафорами, речевыми новообразованиями и общей организацией текста.

Конечная цель интуиции – создать уверенность в правильности решения. Иными словами, здесь используется эмоциональный критерий.

Теперь обратимся к фактам. Рассмотрим один случай, типичный и достаточно простой. Студент первого курса отделения психологии Г. На лабораторных занятиях по теме воображение, когда каждому предлагалось рассказать сновидение, виденное накануне, рассказал следующее (дословно): «Моя мама и моя сестра Татьяна отдыхают в Египте. Татьяне 9 лет. В ночь с 24 на 25 мая мне приснилось кошмарное сновидение. В нём я бродил по незнакомому городу. Просто бесцельно шатался с полным сознанием того, что Татьяна мертва: её отравили. Сновидение было не особенно красочным, но очень эмоциональным. Я проснулся под утро буквально в слезах.

Вечером того же дня, я узнал от папы, что из Египта звонила мама и сказала, что Татьяна лежит под капельницей. У неё какая-то опасная желудочная инфекция».

Через месяц студент Г. сказал мне, что его сестра и мать вернулись из Египта и он узнал, что существовала реальная угроза жизни его сестры, но всё обошлось.

Такие предвидения будущих событий я называю простыми. Они сбываются в течение 48 часов, может быть чуть более. Чаще всего они касаются кого-то из близких. Напомню пример из пятой главы. Студентка ЕГУ видит сновидение. Это сновидение производит на неё такое сильное впечатление, что она приходит в кабинет психологической помощи обсудить его. В сновидении она видит гибель своего жениха. Её самой нет рядом, и она не может ему помочь. Через два дня жених действительно погиб в автомобильной катастрофе.

Здесь, кстати, можно сказать несколько слов о сновидениях и символике сновидений. Во-первых все теории сновидений верны, просто они описывают разные типы сновидений. Есть сновидения, в символической форме интерпретирующие сенсорные стимулы (В. Н. Касаткин), есть сновидения, в символической форме выражающие желание человека (З. Фрейд), есть сновидения, в символической форме указывающие на ошибки, которые мы можем совершить в бодрствующем состоянии (К. Г. Юнг), есть сновидения, в символической форме, или буквально, решающие мыслительную задачу (Э. де Боно), в наших исследованиях мы показали, что есть сновидения, в символической форме иллюстрирующие текущую проблемную ситуацию [7], есть сновидения, удаляющие из памяти вредную информацию, которую следует забыть (Ф. Крик), есть сновидения, в символической форме или буквально предсказывающие будущее (Л. Бинсвангер, Дж. У. Данн). Мы будем работать с последними.

Но везде почти мы видим, что сновидения решают свою задачу в символической форме. Фрейд назвал два механизма сновидения: конденсация и смещение. Мы видим в одном образе несколько, либо вместо одного образа другой. Например, доктор М. в сновидении Фрейда, которое он сам тщательно проанализировал, воплощает целую группу персонажей. Это и старый врач, с которым Фрейд консультировался, и брат Фрейда, не носивший бороды, и который недавно начал прихрамывать, и молодые врачи Отто и Леопольд – врачи-антиподы. Отто – блестящий и неосторожный, Леопольд – осторожный и медлительный. Это и знакомый Фрейду врач, отличавшийся скоропалительными и легковесными диагнозами [8]. Но почему так? Я осмелюсь утверждать, что символом, замещающим в сновидении некую мысль, чувство или объект, является образ, принадлежащий к классу обозначаемого но наиболее часто употребляемый. Сновидение, как подслеповатый человек, не может различить что-то на расстоянии и видит там что-то наиболее знакомое. Особенно понятным это становится применительно к будущему.

Моя дочь должна была сдавать вступительный экзамен в вуз. Ночью мне снится, что я захожу в большой зал, вдоль стен которого на спортивных скамейках сидят много людей и чего-то ждут. Я вижу там свою аспирантку. Она очень грустная. Я пытаюсь её утешить, но у меня ничего не получается. Тогда я прошу утешить её какую-то женщину, а сам

выхожу из зала. На следующий день дочка не прошла собеседование и сообщила нам по телефону. Я просил жену как-нибудь утешить её. Здесь спортивные скамейки, как и большой зал, напоминающий спортивный, указывают на состязательность момента. Аспирантка в сновидении замещает мою дочь. Эта аспирантка работала вместе со мной, и я видел её тогда каждый день. Женщина, которую я прошу утешить аспирантку, обозначает мою жену.

Но обратимся к предвидению. Мы видим, что во всех приведённых примерах участвуют близкие люди. Во всех этих, и многих подобных случаях, которые я не могу привести за неимением места, будущее предвидит не тот человек, с которым должно что-то произойти, а наблюдатель, ассоциированный с ним. Не трудно видеть, что здесь мы имеем дело с *событием*, как мы представили его в предыдущих главах.

Особенное получает существование в со-бытии. В бытии с другими, если продолжить наш этимологический анализ. Оно раскрывает себя во взаимодействии. Взаимодействие ограничено событием. Событие даёт определённую особенность. Весь этот процесс существует в настоящем. Куда простирается событие? В нереализованные возможности. И не в коем случае не в будущее. Чем гордится красавица? Тем, чем могла бы быть сейчас. А думает – тем, чем будет. А ведь пройдёт время и, говоря словами О. Уайльда, победы покажутся горше поражений.¹

Г. М. Елфимов не так уж не прав, когда утверждает, что «настоящее», «теперь», «сейчас» отображают не мгновенный срез действительности, а длительность, определяемую качественной природой объекта [10, с. 61]. Это положение нуждается в некотором уточнении. Очень скоро мы его сделаем. А пока укажем лишь на некоторую абсурдность, которая возникает, если довести эту мысль до логического конца, оставаясь в рамках принятых представлений о пространстве и времени. Г. М. Елфимов пишет: «Смысл «настоящего времени» зависит, как показывает теория относительности, от пространственных границ рассматриваемых явлений: чем шире эти границы, тем больше длительность настоящего [10, с. 59]. Значит Вселенная вся находится в настоящем?!

Но мы пойдём дальше. Собственно говоря, что такое особенное? Вещь? Просто вещь? Нет, так не бывает. Просто вещь не может *существовать*. Это уже область метафизики. Просто звезда Сириус, или просто Иванов. Нет, особенное – это *существование*. Сириус, это Сириус вот сейчас *создающий* протуберанец, или Сириус со спадающей активностью. Или Иванов, встречающий ребёнка из школы, или вот сейчас, садящийся в это такси. И даже просто вот эта статуэтка, которая *стоит* на столе. Вот существование особенного. Сущностью особенного является действие. Наиболее зримое действие – взаимодействие.

Добавим ещё, что онтологически все события равноценны и имеют лишь субъективное значение. В этом ракурсе между некто заточил карандаш и случилась 2-я мировая война нет разницы. Более того, события не связаны между собой. Событие, которое завершилось, завершилось для актора² навсегда. Потом может быть другое событие и актор, вроде бы тот же, будет в нём другим. Поэтому *нельзя заслужить будущее*. Вспомним печальную судьбу ветеранов в Прибалтике и России. Эта идея не нова. Её высказывали представители самых разных школ и направлений в философии. Лейбниц, опираясь на закон тождества неразличимых (*lex identitatis indiscernibilium*) утверждал, что не может быть двух вещей в точности похожих друг на друга [11, с. 419]. Р. Карнап пишет о невозможности связать вместе два разных события, происшедших во времени [12, с. 127]. А А. Ф. Лосев, создавший одну из интереснейших теорий времени, указывает на то, что не только все числа тождественны (этот тезис вызывает недоумение у непосвящённых, но стоит познакомиться с его работами, чтобы понять, что это так), но и всякий предмет мысли вообще [13, с. 318]. Здесь термин *тождественны* имеет то же значение, что и «имеющие равную мощност» в теории множеств. Грубо говоря,

¹ Подробнее см. [9].

² Модный нынче термин – кто-то или что-то, что совершает действие.

содержание событий безразлично миру, события не повторяются и одно событие не связано с другим. Выйдя из события, нельзя вернуться в него. (Так и подмывает сказать: нельзя дважды войти в одну и ту же реку). Я не знаю, можно ли тут смеяться, но случай кажется мне забавным. Вот вдова Н. И. Бухарина. Молодой девушкой вышла она за этого пламенного революционера, и тут его посадили. Всю жизнь она посвятила тому, чтобы доказать, что Бухарин был верным ленинцем, преданным коммунистической партии и её центральному комитету. Выдержала лагерь и ссылку. Помнила наизусть его политическое завещание. И вдруг оказалось, что коммунистическая партия с её ЦК – преступная организация [14].

С другой стороны всё имеет значение (ценность) только в рамках события.

В метрическом времени длительность события может варьировать от наносекунд до тысячелетий, особенно если это сакральные события. Каждый год мы празднуем рождество Бога, его воскрешение и т. д. Но это уже сакральное время и особый тип события. В целом, если бы на время можно было взглянуть со стороны, мы сказали бы что оно имеет ячеистую структуру – бегут, сменяя друг друга кластеры событий, как пузырьки по речке в летний дождик.¹ Причём мы участвуем в нескольких событиях сразу. Одно из них может длиться всю жизнь и, кажется, ему всё подчинено. Но тогда оно существует не непрерывно, а проявляет себя фрагментами. В каждой ячейке-событии мы другие.

Вот вы ехали в поезде, скажем из Москвы в Минск. Вы весело болтали с попутчиками. И вот вы уже дома. Дела, заботы. Это тот же день, только уже вечер. Какой контраст. Два разных события и два разных человека (вы в поезде и вы дома). И оба события уже не вернёшь. Первое закончилось когда вы вышли из поезда, второе закончится, когда вы проснётесь завтра утром.

Предвижу такой диалог:

– Вы хотите сказать, что я не родился? – может спросить кто-то иронично.

– Вы об этом думаете, а не помните, – ответим мы, – Вы думаете, что родились. Это сказала вам женщина, которую вы привыкли считать своей мамой. Но уверяю вас, это не так. Посмотрите на себя, разве такими рождаются?

От внешнего описания события, его эйдос, перейдём к его внутренней организации – его топос. Вот как мы представили его внутреннюю структуру в предыдущих главах.

Любое событие состоит из S – субъекта действия, O – объекта действия, R' – ассоциированного наблюдателя, S – O – основного отношения и мы добавили ещё R'' – читателя этого текста, и вы сами можете убедиться, что существуете.

$$(S + O + R' + R'') = f (Hb)$$

Мы уже знаем, что в рамках события только R' обладает преимуществом, располагая абсолютной системой координат. Когда А. Ф. Лосев спрашивает: кто замечает изменения во времени, если всё меняется вместе с ним [13, с. 309], мы ответим ему – это R'. Заметим, что он всегда говорит от имени вечности, как будто подчиняется требованию Спинозы к мыслителям трактовать всё преходящее с позиций вечности, и сам чувствует себя бессмертным. Эта позиция соответствует нашему I по Миду, которое может помыслить даже свою смерть, как бы наблюдая её со стороны и продолжая существовать [15, с. 246-249]. Вспомните, ведь иногда и в вас звучит этот голос, особенно когда вы рассуждаете о том, что непосредственно вас не касается.

Но вернёмся, наконец, к событиям, ставшим предметом нашего анализа, в которых ассоциированный наблюдатель заранее предвидит действие, являющееся содержанием события (его основным отношением). Брат заранее видит во сне, что сестра будет отравлена некачественными продуктами. Невеста видит, что её жених погибнет. Итак, я не знаю другого объяснения кроме того, которое кажется наиболее простым и интуитивно ясным. Все эти люди, несмотря на то, что физически находились в разных точках

¹ Это не редукция, это метафора.

«пространства» и, кажется, разнесены во времени, находятся вместе ещё где-то (Юнг сказал бы, в одном архетипе, погружённом в психоидную часть коллективного бессознательного), в той реальности, которая первична по отношению к «нашей», сущей, и которая, поэтому, опережает её. Моя основная гипотеза, состоит в том, что настоящее имеет длительность. Это «пространство» события¹. Всякое событие сначала происходит, а потом случается. Событие может произойти, но не случиться. Например, смерть Берлиоза у М. А. Булгакова уже произошла, но еще не случилась, когда он разговаривал о ней с Воландом. «Аннушка уже купила масло, и не только купила, но и разлила». Встреча с Воландом, которую можно рассматривать как сновидение, является предупреждением о событии. «Будущее бросает перед собой тень», хотя я не отношу это к будущему. Факты таких «предупреждений» хорошо описаны и проанализированы в книге Джона Уильяма Данна «Эксперименты со временем» [16] и в китайской книге перемен. Я называю такие предупреждения индексами. Они не обязательно связаны со сновидениями. Сюда же можно отнести внезапно возникающие в бодрствующем состоянии фантазии типа сновидений, внезапно нахлынувшие предчувствия, случайно подслушанные фразы. Юнг добавляет сюда использование специальных практик вроде гексограм И-Цзин. Теперь представьте себе чистый лист бумаги, положенный горизонтально. Проведем сверху вниз вертикальную линию. Это линия настоящего. Договоримся считать, что справа от нее будущее, а слева прошлое. Небольшое пространство слева от линии – наше сознание. Оно всегда находится чуть-чуть в прошлом. Мы осознаем то, что только что случилось. Это как если бы мы ехали в поезде спиной по его движению и смотрели в окно. Мы видим только то, что только что проехали. По тем *индексам*, которые мы замечаем, мы пытаемся угадать, что впереди. Например, я вижу промелькнувший светофор, и предполагаю, что впереди станция. После этого я могу планировать свои действия. Поставим точку слева, недалеко от вертикальной линии там, где еще простирается сознание, обозначив, таким образом, индекс. Теперь поставим точку справа, далеко от вертикальной линии. Это событие, которое уже произошло, но еще не случилось. Теперь опишем между двумя точками окружность так, чтобы обе точки поместились на ней. Ясно, что большая часть окружности окажется справа, т.е. в будущем. Окружность ограничивает событие – «пространство» настоящего. Пример с поездом нагляден, но не совсем удачен. Мы никуда не едем. Мы двигаемся, *действуем*, сами. Мы сами своей активностью создаем движение во времени. Не время надвигается на нас, а мы *двигаемся* (двигаем себя) во времени.

Событие, которое уже произошло, но еще не случилось, субматериально. Мы не можем отнести его к материальной реальности, т.к. его еще нет, но не можем, также, отнести его к идеальному, т. к. идеальное не может влиять на материальное. Идеальным становится то, что мыслится. Например, смерть человека, до своего наступления, субматериальна. Она влияет на наши планы и поведение, мы не можем не считаться с ее неизбежностью и с опасностью ее приблизить, но ее еще нет. В рамках «пространства» события, уже происшедшее, но ещё не случившееся предупреждает о себе для того, чтобы мы могли его избежать. Человек в рамках события имеет возможность выбора, если научится исчислять индексы. Более того, этот ассоциированный наблюдатель, не принимающий непосредственного участия в событии (не включённый в основное отношение), не случаен. Он не только предвидит события. Он может больше. Но этому будет посвящена последняя глава этой работы.

Совершенно особую категорию представляют собой сновидения в которых сновидец сам может стать участником основного отношения. В них нет свершившегося события, если субъектом действия является сновидец. Вот пример. Однажды на даче осенью 2005 года мне приснилось, что мне поручили писать отзыв от имени кафедры на диссертацию аспирантки Г. Я не люблю Г. Из-за неё меня не взяли читать общую психологию в один негосударственный вуз. Во сне я думал воспользоваться или не

¹ Более удачным термином вместо «пространство» будет «кластер».

воспользоваться этим случаем для мести. Когда на следующее утро я пришёл на работу меня вызвала заведующая и поручила написать отзыв от имени кафедры на диссертацию Р. Когда я работал в ЕГУ у меня отняли курс и передали Р. Передо мной встала та же проблема с той разницей, что я уже был готов к ней и нашёл правильное решение.

Здесь нет того, что должно произойти. Логично предположить, что дело в том, что своё действие нельзя предвидеть, т. к. оно не задано жёстко, оно зависит от самого человека. В то же время, сновидения, в которых сновидец является объектом основного отношения, близки к тем случаям, когда он является ассоциированным наблюдателем. Он знает, что может произойти, теперь уже с ним, но не имеет прямого указания как этого избежать. Ни в первом, ни в третьем случае сновидение не подсказывает, что делать, а лишь показывает возможное будущее.

Кратко коснёмся ещё одной темы. Её нельзя обойти, хотя она требует более подробного рассмотрения в специальном исследовании. Речь идёт о предвидении отдалённого будущего. Вот пример. Уже известная нам по пятой главе Полина С. Запись 18.02.05. Рассказала о сновидении, приснившемся накануне. Её приснился умерший дедушка, который сказал следующее: летом не ходи в парк. Упадёт колесо, будет много жертв. Твоя подруга погибнет. Он назвал имя подруги. Полина понимает, что это парк им. Горького. Я предположил, что это колесо обозрения. Это предвидение я воспринял как большую удачу. Я не только записал его в журнал. В то время я читал лекции по истории психологии на факультете психолого-педагогической переподготовки БГЭУ и рассказал об этом своим слушателям. Таким образом, я получил около двух десятков свидетелей и не просто студентов, а людей, работающих преподавателями в разных вузах, включая заведующих кафедрами. 18.08.05 случилась авария с гигантским колесом обозрения в парке им. Горького. К счастью жертв не было. Среди пострадавших оказалась подруга Полины, которую та забыла предупредить. Интересно, что через год 09.07.06 произошла вторая авария с этим колесом, но не такая драматичная как первая. Обошлось без привлечения спасателей из МЧС.

Отметим то общее, что имеется здесь с простым предвидением. Воспроизводится общая схема события. Подруга Полины – второй член основного отношения (О), на неё направлено действие, которое может произвести падающее колесо (S). Тот, кто увидел сновидение об этом – сама Полина, – ассоциированный наблюдатель (R'). В сновидении появляется ещё один ассоциированный наблюдатель – умерший дедушка Полины, который предупреждает её саму об опасности стать жертвой – объектом действия падающего колеса. Это ещё одно событие, которое может быть связано с падением колеса, но Полина, как объект в нём, получает сообщение от наблюдателя. В этом сновидении дедушка это, скорее всего, либо её субличность, по Перлзу, либо проявление архетипа Забота, по Юнгу.

Но в реальной жизни колесо не упало. Оно лишь резко затормозило, дав сильную вибрацию. Что ещё – не известно, но потом его долго ремонтировали. Так или иначе, предсказано было лишь как бы намерение события. Его замысел.

Список цитированных источников

1. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. – М., 1979.
2. Брушлинский А. В., Поликарпов В. А. Мышление и общение. – Самара, 1999
3. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
4. Пожелаев А. Новая модель окружающего физического мира, раскрывающая природу действия законов теории относительности Эйнштейна. Мн., 2001.
5. Анисов А. М.. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. М., 1991.
6. Бахтияров К. И. Окно в вечность. (Проект Cross Word). // Знак вопроса, 1997, № 4.
7. Поликарпов В. А. Психотерапия с позиций теории психического как процесса С. Л. Рубинштейна // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.

8. Freud S. L'interpretation des reves, Paris, 1967.
9. Поликарпов В. А. Психология любви. Временной вектор // Время как фактор изменений личности. Сб. научн. тр. под. ред. А. В. Брушлинского и В. А. Поликарпова. Мн., 2003.
10. Г.М. Елфимов. Возникновение нового. М., 1983.
11. Лейбниц. Монадология //Сочинения. Т. 1. – М., 1982.
12. Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971.
13. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики // Из ранних произведений. М., 1990.
14. Ларина-Бухарина А. М. Незабываемое. М., 2003.
15. Козер Л. А. Мастера социологической мысли. М., 2006.
16. Данн Дж. У. Эксперименты со временем. <http://www.chronos.msu.ru/>

7. Причинность и замысел

В качестве одной из структур времени мы выделили «то чего ещё нет, но уже есть» – «пространство» созидания. Мы отнесли его к настоящему, предположив, что всякое событие возникает дважды: оно вначале происходит, а потом случается. Произойдя, оно сообщает о себе неким индексом. (Этот, наиболее употребимый здесь термин, взят нами у Ж. Пиаже [1, с. 262]). Актер волен выбирать, его будущее не предзадано. Поняв индекс, он может избежать события, оно произойдёт, но не случится.

И здесь мы снова приходим к проблеме понимания. В зависимости от мировоззренческого подхода можно выделить как минимум три подхода к пониманию [2]. В рамках одного из них понимание есть интерпретация или наделение смыслом того, что само по себе смыслом не обладает, осмысление объекта. Получается, что знание объективно, а понимание субъективно. Человек наделяет смыслом предстоящие ему объекты в зависимости от удобства, эстетических предпочтений, пользы, практики и т.п. Это материалистическая точка зрения на понимание. Адекватное понимание она допускает лишь в субъект-субъектном взаимодействии и то лишь как производное от взаимопонимания. Этот последний подход к пониманию отстаивает В. Н. Порус, предлагая как бы второй вариант понимания понимания. Он тоже формируется на субъект-субъектном отношении. Здесь понимание есть процесс смыслопорождения, в результате которого возникающий смысл обнаруживается в осознании нерасторжимого совместного духовного бытия понимающего и понимаемого [2, с. 263].

И, наконец, в рамках третьего подхода, который ещё в недавние времена был бы отнесён к идеализму, понимание выступает как выяснение или усвоение смысла того, что понимается. Этот тип значения термина «понимание» связан с предпосылкой: то, что понимается, объект понимания, обладает смыслом само по себе. Смысл понимаемого не зависит от понимающего субъекта, а открывается им. Объектом понимания может быть любой элемент универсума.

Понимаемое рассматривают обычно как текст. Если так, надо научиться знать язык, на котором он написан. Например Галилей говорил, что книга природы написана на языке математики. Это значит, что надо постичь язык математики и тогда необходимые и абсолютные истины математических доказательств станут ключом к пониманию природы. Похоже, так оно и есть.

Признание объективности и автономности существования смысла позволяет говорить об истинности понимания, о возможности соотнести и сверить моё, его и наше понимание.

Разгадывая замысел мы именно понимаем, а не познаём. Дело в том, что время объективной науки прошло. Та форма сознания, которую принято называть наукой, возникла из отрицания религии. Из отказа проникновения в нематериальные, сущностные сферы бытия. Познание относится лишь к механизму реализации замысла, но не к нему самому. Механизм может быть общим для нескольких замыслов, но не он выражает сущность события.

В своём фундаментальном исследовании, проведённом совместно с лауреатом Нобелевской премии Вольфгангом Паули и обобщённом в их совместной книге «Познание природы и психика» К. Г. Юнг обратил внимание на то, что с тех пор, как идея Лейбница о заранее установленной гармонии была заменена декартовской идеей причинности, мы перестали понимать мир, ограничившись его познанием [3, с. 442]. Но «причинность – это лишь способ, которым мы объясняем связь между двумя последовательными событиями» [3, с. 441], не более. Если видеть в развитии (в диалектике любого события) возникновение или усложнение чего-либо с течением времени, то мы вступаем в противоречие со вторым законом термодинамики. Применительно к нашей проблеме он может быть переформулирован так: новая информация не возникает сама собой, без участия разума. Самопроизвольный прогресс невозможен. Разум не познаётся, а понимается.

Таким образом, сущность события может быть только понята, поэтому замысел это бытийное составляющее особенного. Именно он являет себя в событии.

С другой стороны, замысел не всегда явлен самому субъекту, который чаще всего выступает как рядовой актер. В своих лекциях по русской литературе [4] В. Набоков на примере Н. В. Гоголя показал возможность полнейшего непонимания писателем своего собственного произведения, искажения его сути. Поясним сказанное на простых примерах.

Вот пчела. Она строит соты из воска, потом аккуратно заполняет их нектаром. Её действия кажутся очень разумными. Они целесообразны. Но вот экспериментатор проделал отверстие в сотах. Нектар выливается из них, но действия пчелы не меняются. Она продолжает заполнять нектаром повреждённую ячейку. Теперь она похожа на заводную механическую игрушку, в которой что-то сломалось.

Я вижу из окна моей дачи большой и красивый дом. Это дача моего соседа. Раньше там отдыхали его отец, его брат, его мать и он сам. Потом отец и брат умерли, а мать стала настолько стара, что не может приехать. И вот он регулярно, а во время отпуска каждый день, приезжает сюда по утрам. Что-то ремонтирует, подкрашивает, делает что-то внутри дома, ухаживает за участком, делает что-то в саду, а вечером уезжает в Минск. Как-то я спросил его, почему он никогда не живёт здесь? Он ответил, что не может ночевать один в пустом доме в лесу. Тогда я спросил, почему бы ему не продать дачу? Он ответил, что не нуждается в деньгах. Что касается меня, то мне трудно отискать разницу между его поведением и поведением пчелы. Оно так же нерационально и в нём нет целесообразности. И это можно сказать о подавляющем большинстве людей. Человек отдаёт здоровье ради карьеры. Уничтожает жизнь окружающих и свою, зачем? Психологи знают, что его объяснение будет не более чем рационализацией. Зачем товарищу Ленину понадобилось возглавлять революцию в России? Можно приблизительно догадаться, что бы он ответил, но мы то через столько лет можем соотнести его слова с полученными результатами.

И всё-таки некий замысел, некая рациональность есть в поведении каждого человека, и психологам иногда удаётся раскрыть подлинный смысл поступков. Ну, вот, например, когда человек с нескрываемой и подлинной ненавистью нападает на другого человека, он делает это не потому, что ненавидит, а потому что любит, и сама агрессия как бы говорит: смотри как я обижен тем, что ты не замечаешь и не ценишь меня! Однако, дело в том, что замысел самому человеку не принадлежит, поэтому, как правило, не понимается. (В данном конкретном случае можно говорить о вытеснении, но это не более чем конструкция, скрывающая избегание понимания замысла. Как смысл он не может быть порождён бессознательным, а его не участвует в продуцировании влечений).

Благодаря замыслу событие имеет однозначное толкование и поэтому истина одна. Замысел – истина события. Религии и идеологии, которые поощряют аскетизм и объявляют sex чем-то греховным или постыдным делают это, потому, что не уверены в авторитете своего бога или вождя. Они опасаются, что кого-то будут любить больше. По

этой причине они выступают против семьи. И это единственное объяснение из всех возможных. Любая идея свободы лишена созидательного начала. Она имеет негативные цели – избавиться от чего-то: от государства, от религии, от цензуры и т. д. и т. п. Это средство разрушения. Это не всегда плохо. Например, избавиться от оккупации и т. п. Демократия – это власть террора, она использует энергию бунта. Ах, ты против большинства, вот мы тебя, и за этим уже маячит восстание масс, квинтэссенцией которого является гильотина (или ЧК, кому, что понятнее). Холодная война велась не против коммунистической идеологии, а против России, независимо от того, какой у неё был общественный строй. «Целили в коммунизм, а попали в Россию», – слишком запоздалое прозрение. И т. д. и т. п. Все остальные объяснения – демагогия. Можно выдумать сколько угодно слов, чтобы заслонить реальность, и даже заставить на какое-то время полюбить и пожелать её, но всё равно «глобализация», например, это известная с незапамятных времён идея мирового господства, как и предшествовавшая ей «мировая пролетарская революция».

К сожалению, существование замысла не даёт нам повода надеяться на постижение абсолютной истины. Я вынужден сформулировать следующую теорему: *ни одна моделирующая система не может смоделировать систему, равную себе по сложности*. Вот почему человек кажется себе венцом творения, и не видит вокруг себя ничего, что было бы более сложно организовано чем он сам. Это более сложное просто не доступно его разуму. Так же как и себя самого он никогда до конца не сможет постичь. И замысел доступен ему не полностью, а лишь в пределах его собственной деятельности.

Итак, если всё имеет смысл, значит доступно пониманию. Надо только разгадать замысел. Для этого надо либо выучить язык его индексов, либо стать очевидцем.

Но проще всего его почувствовать.

Если человек действует в соответствии с замыслом, он находится в состоянии «мне хочется».¹ Переживание потребности может иметь один из двух модусов: «мне хочется» и «я хочу». Сравните: я хочу спать, но мне не хочется. Превратить «мне хочется» в «я хочу» означает для Я приспособиться к нему и использовать его энергию. Здесь появляется волевое усилие и сознательный контроль. С другой стороны «мне хочется» – основа спонтанности. «Мне хочется» – соответствует замыслу, а замысел креативен. Всё получается само. Человек испытывает чувство радости и энергетического подъёма, переживание полноты бытия. Он чувствует энтузиазм и вдохновение. Но если человек сопротивляется замыслу, он получает некие индексы, обращённые к контролирующему поведению сознанию. Мы упомянули их выше и специально разберём в последней главе, которая будет посвящена практическому применению данной теории. Здесь отметим лишь, что К. Г. Юнг относит к ним также «...sentiment du déjà-vu, который основывается на предчувствии во время сна, но это предчувствие может посетить человека и в часы бодрствования. В таких случаях простая случайность становится крайне маловероятной, потому, что совпадение известно заранее» [3, с. 431].

А сейчас рассмотрим, что значит быть очевидцем. Вот сновидение.

Я ложусь спать после обеда. Мне снится металлическая стена, металлические ворота в ней. Вдруг ворота с грохотом распахиваются от мощного удара в них... Я просыпаюсь. Это моя жена на кухне уронила крышку от кастрюли. В детстве я видел похожее сновидение. Мне снилось, что я принёс домой котёнка. Моя мать сказала мне: не бери его, смотри он же внутри пустой. Она подняла его, сделала небольшую паузу, будто чего то поджидая, а потом постучала пальцем по его животу. Раздались громкие звонкие удары, от которых я проснулся. Но когда я проснулся, удары повторились. Неужели у нас железный котёнок? – подумал я, выбежал на кухню и увидел как мать очищает сепаратор мясорубки, ударяя его о большой кухонный нож.

¹ Подробнее см. [5].

Обратим внимание, здесь во всех случаях причина, вызвавшая сновидение, становится в конце, как бы завершая его. Это выдаёт её истинное положение. Она не является началом события, как должно было бы быть в привычном нашему бодрствующему сознанию мире. Она как бы завершает, притягивает его, создавая весь последовательно связанный набор элементов. В принципе, они могли бы быть другими. Но причина, вызвавшая их уже есть, она уже в настоящем. Такое сновидение может возникнуть только в том случае если сновидец (он же R') находится рядом с актором, во всяком случае является свидетелем приближения уже происшедшего события. Причём наблюдатель не видит сквозь стены. Не странно ли? Феномены биорадиологии¹ доказаны, а биорадиация (биополе) в физической среде не обнаружено. Позволю себе предположить, что эти волны и невозможно обнаружить, потому, что они распространяются совсем в другой среде, более сложной и первичной по отношению к нашей.² Лучше сказать, они вообще не распространяются. Просто в этой среде и наблюдатель и актор и объект воздействия помещены в одном месте. Вот почему биополе не регистрируется обычными приборами. Используем для обозначения этого места термин фрейм, предложенный в 1974 г. Специалистом по искусственному интеллекту М. Минским, для лучшего представления и моделирования феномена быстрого действия человеческого мышления. Фрейм состоит из понятий всегда верных по отношению к предлагаемой ситуации (верхний уровень), и более низких уровней терминов (или «ячеек»), которые должны быть заполнены характерными приметами [6, с. 560]. Я (и любой другой предмет, взаимодействующий сейчас со мной) как бы раздваиваюсь и существую параллельно (я специально избегаю слова «одновременно») в этих двух мирах – в первичном, и в том, который я, будучи живым человеком, осознаю. Рассуждая подобным образом Карл Дюпрель писал: «Можно предположить, что в нас сокрыто и изъято от нашего земного самосознания ядро какого-то иного нематериального существа, проявляющего совершенно иные качества по отношению к миру, чем наше телесное существо. Очевидно, мы представляем из себя двойное существо, и земное, телесное составляет лишь одну сторону нашего существования» [7]. Это иное существо, будучи участником и свидетелем происшедшего в рамках фрейма события, посылает нам сообщение на языке сновидений, подготавливая к нему.

Взаимодействие разных людей, как, впрочем, и биорадиологическое воздействие, возможно лишь между людьми, находящимися в одном фрейме. Возможности такого взаимодействия велики. От непосредственного обмена информацией, до влияния на судьбу и здоровье другого человека, что станет предметом рассмотрения в последней главе этой работы.

Чаще всего объединяются люди, связанные сильным чувством, либо любовью, либо ненавистью. Бывает, что это просто люди, соединённые в рамках одного события.

Историк демократической ориентации Игорь Бунич сообщает следующее: «Имеются интересные, почти мистические параллели в судьбе Гитлера и Рузвельта. День 13 января праздновался обоими: для Гитлера это был день его назначения канцлером Германии, для Рузвельта день его рождения. Всего один день разделял их в марте 1933 года, когда оба получили право на власть. В течение 12 лет Рузвельт и Гитлер возглавляли две величайшие мировые державы, потратив первые шесть лет на вывод своих стран из состояния глубочайшей депрессии. Оба умерли в апреле 1945 г. С разницей в 18 дней» [8, с. 23]. Они всё время были как бы в одном фрейме. 20 июля 1944 г. Когда произошло покушение на Гитлера, Рузвельт находился в поезде. Он ехал к побережью, смотреть манёвры военно-морского флота. С ним были его сын и секретарша. Вдруг ему стало

¹ Именно этот термин я считаю более предпочтительным по сравнению с термином «биополе», введённым А. Г. Гурвичем

² Здесь можно провести аналогию со звуком в воде и звуком в воздухе. В воде звуки распространяются быстрее. Услышав звук под водой, вынырнув, вы услышите его ещё раз. Получается два звука вместо одного и, как бы, предупреждение о приближающемся звуке в воздухе, полученное под водой.

очень плохо – сердечный приступ. Присутствовавшие и он сам решили, что это конец. Вдруг так же неожиданно ему стало лучше и всё прошло. В это же время контуженные Гитлер пришёл в себя и вылез из под обломков стола для заседаний. И. Бунич (он, впрочем, повторяет точку зрения историка Н. Н. Яковлева, а пользуется фактурой американского историка Уолтера Лорда) уверяет, что 2-я мировая война была войной Рузвельта, тонко подведшего европейских политиков к мировому конфликту, выведшему США сначала из экономической депрессии, а потом и в мировые лидеры [8, с. 159-160]. Рузвельт был магом, Гитлер его медиумом. К. Г. Юнг, который лично наблюдал Гитлера, отметил его «...полный сновидений, призрачный взгляд» [9, с. 346]. Смерть Гитлера привела бы к прекращению войны и все планы Рузвельта рухнули бы. Он становился не нужен.

Всё это касается не только человеческих отношений. Опыты, проводившиеся ещё в СССР во Всесоюзном исследовательском институте радиовещательного приёма и акустики им. А. С. Попова (ВНИИРП) показали, что крысы, чьё потомство уничтожается, будучи увезённым на противоположный конец города, начинают размножаться более интенсивно, чем крысы, чьё потомство, так же увезённое на другой конец города, остаётся в живых.

Но данный феномен простирается и за рамки живой природы. Известен парадокс Эйнштейна – Подольского – Розена, или явление квантовой корреляции. Показано, что частицы, разлетающиеся от некоторого центра, имея, согласно квантовой механике, волновую структуру, могут быть включены в один волновой пакет, и образовывать единое целое. Если оказывать воздействие на одну из этих частиц, то другая частица, как бы далеко она не находилась от первой, будет испытывать результаты такого воздействия. Одна из синусоид натывается на прибор, измеряющий амплитуду или фазу волны, и тут же теряет свою свободу и мгновенно «твердеет» не только первая частица, но и вторая, нетронутая, даже если они успели разлететься на расстояние, измеряемое световыми годами. Зафиксировав прибором фазу одной синусоиды, мы, совершенно однозначно, фиксируем и состояние другой – отлетевшей частицы. Эйнштейн использовал этот парадокс для того, чтобы указать на принципиальные слабости квантовой механики. Он писал о том, что квантовая механика допускает «телепатию частиц», находящихся друг от друга на огромном расстоянии. Однако, такое дистанционное и мгновенное взаимодействие между частицами было доказано в условиях физического эксперимента [10].

Теперь осталось ввести ещё только одно понятие – корректирующие микрособытия. В главе четвёртой мы определили нашу центральную категорию – своевременность, соотносящую время самости, как меру индивидуации, и время исторической локализации, определяемое моментом рождения. В играх Времени самое важное, чтобы событие произошло вовремя, своевременно. Создание теории алгебраических уравнений высших степеней с одним неизвестным Э. Галуа произошло слишком рано. Оно не было востребовано очень долго, а сам автор, рано завершив свою миссию, выбыл из игры в возрасте 21 года. Кто-то в силу каких-то субъективно-психологических причин вообще не решился жить в соответствии со своей самостью и пропустил своё время. Он тоже вышел из игры за ненужностью. В 99 % этот выход из игры – смерть. Вспомните, как страшно умирал Н. В. Гоголь, который сжёг 2-ю часть своей поэмы, не опубликовав её. Быть своевременным, значит соответствовать замыслу и не сопротивляться ему.

Если событие отклоняется от замысла, включаются корректирующие микрособытия. Это такие микрособытия, которые корректируют событие в соответствии с замыслом, или способствуют началу реализации замысла. Часто они поражают своей кажущейся незначительностью. Их ещё называют случай.

В конце прошлого столетия на смену классической науке о единственном и заранее известном решении пришла, наконец-то, новая наука о сложности, в которой спонтанная динамика, совершающаяся на границе порядка и хаоса заменила холодную

поступательную иерархию причин и следствий. Реально это означает, что мелкие исключения и незамеченные частные случаи могут вызвать целую лавину, скажем, в политике или культуре и определить дальнейший путь цивилизации не хуже, чем некая генеральная линия.

8 февраля 1904 г. командующий порт-артурской эскадрой адмирал Старк, получив известия о нападении японцев в Чемульпо, приказал эскадре выйти в море. На внешний рейд вышли два броненосца и крейсер. Однако, втянувшийся следом в узкий проход броненосец «Победа» случайно отклонился от курса, пропорол днище, набрал в носовые отсеки воды и, осев носом, застрял в дне канала, загородив собой выход остальным кораблям. Пришлось заняться ремонтом «Победы». Вот что говорит очевидец. Из-за этого «...адмирал поднял сигнал: “Приготовиться к походу к 6 часам утра”. Этому походу не суждено было состояться. Сейчас, вспоминая задним числом всё случившееся, остаётся пожалеть, что адмирал отложил выход в море до утра, а не снялся с якоря вечером. Тогда японские миноносцы никого бы не нашли на Артурском рейде, а утром японская эскадра могла неожиданно встретить в море нашу, вышедшую в полном составе всех броненосцев и крейсеров. Война началась бы совсем иначе. Весьма вероятно, что она иначе и закончилась бы».¹

Такие же микрособытия корректируют и жизнь отдельного человека. Вот, хотя бы, такой пример.

Находясь в Нюрнберге Г. Геринг как то заметил «насколько непропорциональные по степени своей значимости последствия в судьбе человека могут иметь незначительные на первый взгляд события в его жизни. Сам он увязался как-то на улице за какой-то юной и очень миловидной блондинкой и пропустил из-за этого нужный ему автобус, а в результате опоздал на назначенную на строго определённое время церемонию посвящения его в масоны. Не упустит он тогда этот оказавшийся единственным в его жизни шанс стать одним из них – это предотвратило бы его вступление в нацистскую партию, что, в свою очередь, уберегло бы его от дальнейшего развития событий, приведшего в конечном итоге в камеру № 5 Нюрнбергской тюрьмы [12, с. 516].

А теперь последнее. Мы видим, что устоявшееся мнение о том, что люди и вообще все живые существа разобщены между собой и могут вступать в информационный контакт друг с другом только через специально предназначенные для этого органы не верно. Чуть выше мы предположили, что биорадиологические феномены, необнаружимые в физической среде, распространяются совсем в другой *среде*, или, точнее сказать, совсем не распространяются, т. к. и актор и наблюдатель и объект находятся в одном месте. Вначале попытаемся ответить на вопрос, что же это за *среда*, в которой все участники ситуации соединены вместе?

Воспользуемся нашим этимологическим анализом, чтобы получить феноменологию этого места. Отыщем образ, соответствующий первоначальному значению слова «среда». Среда, первоначально, это не то, что нас окружает. Для этого случая уточняют: окружающая среда. Среда – это середина. Там, где все мы, участники ситуации, которые на поверхности кажемся себе существующими отдельно и, даже, разнесёнными в пространстве. Само настоящее (его этимологический смысл – подлинное, действительное) это актуальное пребывание в среде. Чтобы не занимать место рисунками, просто опишу, как это можно нарисовать. Вытянутый овал, похожий на лепесток ромашки, символизирует структуру личности по Юнгу. Внешнее окончание лепестка – это сознание. Здесь помещается его. Часть лепестка ниже его – это личное бессознательное. Здесь комплексы и тень. Весь лепесток ниже – коллективное бессознательное. Его основание – психоидная часть личности. А жёлтая серединка ромашки, в которой соединяются все лепестки – среда. Здесь мы вместе, хотя можем этого и не осознавать. Оказавшись с кем-то в одной среде, выше мы обозначили её как фрейм, мы можем знать,

¹ Из воспоминаний Д. В. Никитина. Приведено в [11, с. 377-378].

что с ним происходит, так как именно среда – генератор событий, понимать его мысли и чувства, влиять на него. Но это относится лишь к тем, с кем мы в одном фрейме.

Но где же помещается эта среда, если её нет в нашем физическом мире? К. Г. Юнг подходит к этому вопросу очень осторожно. Он пишет: «Синхронистические феномены доказывают, или что психе расположена вне пространства, или что пространство родственно (связано) с психе. То же самое относится и к временному (темпоральному) определению психе и к психической относительности времени» [3, с. 442]. Представители естественных наук ведут себя в этом вопросе решительнее. Вот, например, гипотеза «творящего вакуума» П. Дирака. Её смысл в том, что вакуум – это море виртуальных¹ частиц, которые могут при определённых условиях переходить из «виртуального, принципиально ненаблюдаемого» состояния в реальное.

Логика наших рассуждений, выделение событий-кластеров и их фреймов всё больше побуждает нас следовать за Лейбницем с его монадологией. Г. В. Лейбниц предлагал разделить человеческую природу на три, а не на две, как у Декарта части: тело, сознание и дух, вместо картезианских души и тела. Он выделял так же голые монады, монады – души и монады-духи. Это отправляет нас к религиозным представлениям о человеке. В христианстве человеческий дух (*ruach* – по древнееврейски, *pneuma* – по древнегречески) понимается как частица божественного духа и как средство познания и приобщения к Богу. Сам божественный дух – Атман – в метафизике индуизма – Мировая душа, заполняющая собой весь материальный мир. Душа – то, что неоплатоники называли *psyche* по древнееврейски – *naphasch*) – особая нематериальная сущность, активное движущее начало в человеке, его психическая деятельность. И наконец *soma* – тело.

Благодаря телу человек присутствует в физическом мире. Тело – инструмент деятельности и объект для внешних воздействий. Когда I человека концентрирует своё внимание на информации, поступающей от органов чувств, он отождествляет себя со своим телом. Но ещё Гуссерль выделил внутреннее и внешнее Я человека. Внутреннее Я, владея частью духа (неким участком общей матрицы), может стать свидетелем готовящихся событий. Но, и осознав себя там, может научиться влиять на них. Вот область, на которую должна будет распространиться в будущем человеческая практика.

Список цитированных источников

1. Пиаже Ж. Теория Пиаже // История зарубежной психологии. Тексты. М., 1986.
2. Порус В. Н.. Искусство и понимание: сотворение смысла // Заблуждающийся разум? Многообразие научного знания. М., 1990.
3. Юнг К. Г. О «синхронистичности» // Карл Юнг. Избранное, Мн., 1998.
4. Набоков В. В.. Лекции по русской литературе. М., 1998.
5. Поликарпов В. А. Психология первой любви. Мн., 2002.
6. Современный философский словарь. Под общей ред. В. Е. Кемерова. М. – Бишкек – Екатеринбург, 1996.
7. <http://psylib.org.ua/books/dupre01/index.htm>
8. Бунич И. Операция «Гроза». Ошибка Сталина. М., 2004.
9. Диагностируя диктаторов (интервью, взятое у К. Г. Юнга Х. Никербокером в 1938 г.) // В. Одайник. Психология политики. СПб, 1996.
10. <http://ru.wikipedia.org/wiki>
11. Бунич И. Порт-Артурская ловушка. М., 1999.
12. Ирвинг Д. Нюрнберг. Последняя битва. М., 2005.

¹ Виртуальный – значит нематериальный.